

ВЛАДИМИР ВЯЧЕСЛАВОВИЧ МАЛЯВИН
VLADIMIR V. MALIAVIN, PROFESSOR, TAMKANG UNIVERSITY

Проект: «Китаеведение – устная история» (Sinology – the Oral History)

Малявин Владимир Вячеславович (ВМ) Китаевед, дин, профессор Университет Тамкан Место интервью: Тайбэй, Тайвань Дата: 7, 27 мая, 18 июня 2011 г. Вел интервью: Мария Осташева (МО) «Международное радио Тайваня» Продолжительность: 8 часов Объем: 205 577 знаков с пробелами, 114 страниц по 1 800 знаков, 5,1 а. л.	Vladimir V. Malyavin Sinologist, Full Doctor (History), professor, Tamkan University (Taiwan) Place: Taipei, Taiwan Date: May 7, 27, June 18, 2011 Hosted by: Maria Ostasheva Radio Taiwan International Duration: 8 hours Volume: 114 pages
--	---

Interviewer:

Герой интервью: Владимир Малявин (ВМ), университет Тамкан, Тайвань
Объем интервью: знаков с пробелами, 5,1 а.л.

Краткая справка о ВМ:

Малявин Владимир Вячеславович (1950, Москва). Китаевед, доктор исторических наук (1988), профессор. Живет и работает на Тайване. Преподавал в ИСАА МГУ, работал в институте этнографии РАН. Основные исследования посвящены китайской философии (в основном даосской), истории древней и средневековой китайской культуры. Переводчик многих китайских трактатов (Чжуанцзы, Ле-цзы, Даодэцзин и др.). Автор более чем 30 книг и сотен статей, в том числе капитальных трудов «Конфуций» (1992), «Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового времени», «Китайская цивилизация» (2000), а также серии коллективных монографий по этнической истории Китая.

Текст интервью:

МО: Здравствуйте, Владимир Вячеславович. Спасибо, что согласились принять участие в проекте «Китаеведение – устная история».

ВМ: Здравствуйте. Это вам спасибо, что пригласили меня, я очень рад!

МО: Первый вопрос нашего интервью – банальный, но необходимый. Расскажите немного о себе, где и когда Вы родились и выросли?

ВМ: Я, Владимир Вячеславович Малявин, родился 13 сентября 1950 г. в центре Москвы, в Шелапутинском переулке, на берегу Яузы, в очень живописном месте... Думаю, мне очень повезло. Ведь, хотя вопрос о детстве банальный, как вы выразились, на самом деле детство – совсем не банальное время нашей жизни. Я в последние годы, достигнув уже пенсионного возраста, как у нас выражаются в России, всё чаще думаю о детстве. Это важный для нас период в жизни, самый поучительный для взрослого человека. Так вот, моё детство прошло на Таганке, в самом что ни на есть московском месте, старинном... Там ведь было много татар, в нашем дворе над Яузой. Я играл с татарскими детьми и говорил по-татарски до шести лет – знал много слов, не то что бы говорил, но хорошо понимал татарский язык. Были у нас ещё еврейские дети, но меньше. Кроме того, я жил в трёх минутах ходьбы от Спасо-Андроньевского монастыря, куда ходил кататься на санках, где гулял в детстве. Тогда там был полнейший развал, всё было в развалинах, это было начало 1950х. Тем не менее, я с огромным удовольствием ходил по этому разрушенному, разваленному монастырю и смотрел на каменные надгробные плиты 14-15 вв., со старорусской вязью... может быть, тогда во мне и родился историк, Бог его знает. Мне было очень любопытно посмотреть на эти буквы, которые я не мог прочитать, но догадывался, что это буквы, в которых скрыт очень большой смысл.

МО: А когда в Вас проснулся китаевед?

ВМ: Ну, это произошло намного позже. Не было в моём роду востоковедов, и друзей не было востоковедов тоже. Я исходил из обще-абстрактных соображений. Каких? Чтобы было интересно и трудно, и чтобы была свобода в работе. Я хотел быть учёным. Я выходец из простой интеллигентской семьи служащих. Мои родители по специальности были химики, но они были учёными по меркам 1950-60х. И, конечно, хотели, чтобы и я был учёным, тем более, что мне очень нравилось учиться, и я тоже очень хотел быть учёным. Куда было податься молодому человеку, желающему стать учёным, в середине 1960х? Тогда ведь практически не было никаких особенных мест, где можно было учиться, найти себе такую тихую гавань учёного. Философия – нет, она вся была занята марксистко-ленинскими делами, история – тоже. Я хоть и историк, но история России или Европы – тут дело строго, чуть что – сразу к ответу и, как раньше говорили, партбилет на стол. И вот я решил податься в востоковедение, тем более что это был элитный вуз, и конечно, хотелось сделать какую-то, худо-бедно, и карьеру. Хотя я не хотел быть ни дипломатом, разумеется,

ни госслужащим, но, как всякий амбициозный молодой человек, я хотел чего-то добиться для себя в жизни, и мне казалось, что востоковедение – подходящее дело. Тем более что изучение языков, особенно восточных, дело и серьёзное, и интересное, и сложное. Короче говоря, решил пойти в Институт Восточных языков, ныне ИСАА (он сменил название в 1974, когда я уже окончил). Так что, я выпускник ИВЯ, а не ИСАА.

МО: Когда Вы впервые узнали о том, что есть такая страна – Китай?

ВМ: Ну, наверное, в первом классе школы – я не помню этого. Китай я принял как всё прочее, как древний Египет и другие древние цивилизации, всё очень хорошо, интересно. Я, собственно говоря, и документы подавал не на китайское отделение, если быть совсем точным. Следуя моде, я хотел изучать японский язык. Япония тогда гремела вовсю. А что такое Китай в 1966? Там как раз военные конфликты начались, началась Культурная революция. То есть, с китайским вы точно будете служить военным переводчиком где-нибудь на острове Даманском, который, к сожалению, уже не русский. Короче говоря, я подавал заявление на японский язык. Экзамены сдал очень хорошо, хорошо подготовился, связей у меня не было никаких. Но на японское отделение меня не взяли, потому что места были уже распределены. Мне так прямо и сказали – ты извини, парень, всё очень хорошо, но у нас нет мест. Иди-ка ты на китайское отделение. Меня хотели засунуть на филологию. Но я был историком в душе и сказал, что хочу пойти в историческую группу. Они немножко удивились, ректор с проректором, вроде это было хуже, чем филология в чистом виде. Но с удовольствием исполнили эту мою небольшую просьбу «покурить перед казнью» (смеётся). Вот, так я и оказался на китайском отделении.

Таким образом, в 1967 я стал свежеиспечённым студентом Института Восточных языков по кафедре История Китая, в Московском университете имени Ломоносова.

МО: Помните ли Вы свои первые занятия китайским языком?

ВМ: Вы знаете, я должен сейчас напрячься, чтобы вспомнить... Ничего такого из ряда вон выходящего я не помню. Но я помню лекции некоторых старых китаистов, которые выступали у нас, и они произвели на меня очень сильное впечатление. Понимаете, я уже имел опыт изучения иностранных языков, и я был готов мысленно ко всему. И удивить меня, даже тогда, было очень трудно. Я отлично знал, что в Китае

пишут иероглифами, и т. д. Поэтому я к этому отнёсся по-деловому и был чужд наивно-эстетических оценок типа: «Глянь, какой иероглиф! это ж надо такое придумать!» (смеётся). Во мне этого не было, и правильно, мне кажется, потому что европейские студенты грешат такими вещами и идут ещё дальше, строят на этом какие-то теории китайской культуры и цивилизации, что мне кажется несколько странным. Впрочем, не только там: недавно я оппонировал на защите докторской диссертации, где докторантка, тайванька, сравнивает фамилии русских и фамилии китайцев. Допустим, у русского может быть фамилия – Лысый, Кривоглазов, Безруков, что-то в этом духе, то есть описывающая какие-то личные его телесные характеристики. Вот фамилия в китайском языке никогда не относится к личности, никогда не описывает индивидуальные черты человека. Мы знаем, почему человек Кривоглазов – по каким-то причинам, когда его предку давали фамилию – вышла такая фамилия. У китайцев эти фамилии даны как бы от века, «от Адама», они не меняются, и о них никто не думает, относятся ли они к каким-то особенностям человека или нет. Когда мы называем имя Мао Цзэ-дуна, мы не думаем, что фамилия Мао – это «мех» или «волос».

М.О.: Волосатов.

В.М.: Да, точно! Европейцам нравится так думать, но спросите любого китайца или тайваньца, в ответ будет только хмыканье, потому что им никогда даже в голову такое не приходит. Я долго выяснял, не столько с тайванькой, сколько с её русским руководителем – я не понимаю смысла таких сравнений, Мао Цзэ-дуна с Кривоглазовым или Волосатовым. Культурно – это явления совершенно разного порядка. Конечно, можно сколько угодно сравнивать, но для этого всё-таки должно быть какое-то основание. Так я и не получил ответа, и мы разошлись, видимо, не поняв друг друга. Это я к примеру говорю.

Вот такие впечатления. Я помню все эти разговоры об иероглифах, это всё очень хорошо. И действительно, можно такие загадки студентам загадывать, например, «солнышко»: квадратик с точечкой внутри. А если три солнышка, вот догадайтесь! Я сам иногда играю в эти игры с русскими людьми. Что будет, если три солнца? Это кристалл. Он ведь отражает солнце, в нём играет сразу много солнц. Это трудно догадаться. А женщина если изображена? Вот, догадайтесь! Иероглиф «женщина» изображает человека, сидящего в характерной церемонной позе женщины. Она сидит, поджав колени, как это было принято в древнем Китае, и руки

у неё либо на груди, либо на правом боку – так до сих пор сидят японки, перенявшие эти старые китайские обычаи. Так должна женщина перед мужчиной сидеть (смеётся). Вот так – выбирается наиболее характерная черта женщины. Русскому бы и в голову такое не пришло, хотя бы потому, что у нас женщины сидят кое-как перед мужчинами. Вот такие вещи – забавно, конечно, но как-то это прошло мимо меня.

МО: Тяжело ли Вам давался китайский язык?

ВМ: Нет, не тяжело. Я любил учиться, мне нравится изучать языки. Я действительно честно его «отбарабанил» четыре года. Я был лучшим в знании китайского языка, я извиняюсь, конечно, за нескромность. У меня всё в китайском языке получалось хорошо, включая даже синхронный перевод. В 1972, по окончании университета, я отправился на годичную лингвистическую стажировку в Сингапур. Тогда там был такой Наньянский университет, он давно уже не существует. Это был университет для китайцев. И вместо Китая, куда ехать было нельзя, и уж тем более, упаси Бог, Тайвань – туда было совершенно немыслимо поехать – некоторые студенты ездили в Сингапур. Когда я туда приехал, местные тайваньские преподаватели были очень удивлены моим хорошим знанием китайского языка. Говорил я без акцента. Старался подражать тогда, у меня это хорошо получалось. Правда, и изучение китайского у нас было поставлено прекрасно. Думаю, школа изучения китайского ИВЯ была, безусловно, лучшая в Европе.

МО: Кто был Ваш первый преподаватель китайского?

ВМ: Любовь Николаевна Гусева – она была моим первым основным преподавателем. Но фонетику у нас вела Тамара Павловна Задоевко, совершенно блестящий специалист. И, конечно, Хуан Шу-ин, которая преподавала иероглифику. Учились мы по очень хорошему учебнику Задоевко-Хуан Шу-ин. Мне кажется, методически у нас всё идеально было. Я очень, очень признателен своим учителям китайского языка, которые действительно загрузили в нас прекрасный китайский язык. Ещё раз хочу сказать – лингвистическая школа в ИВЯ была лучшая, если не в мире, то уж точно в Европе. Надеюсь, она и сейчас такая, хотя качество студентов изменилось, но это отдельный разговор. Сейчас народ норовит поскорее да «покруче» чего-нибудь сделать. Сейчас есть возможность выезжать в Китай, поэтому сейчас изменилось отношение к изучению китайского языка, сама ситуация изменилась. Студентам нет

необходимости, как нам, как мне, каждый день сидеть в лингафонном кабинете по 3-4 часа – я не преувеличиваю! – отрабатывая произношение. Просто другого способа не было, никаких китайцев на улице, разумеется, не было, и, кроме как на занятиях, говорить по-китайски было просто невозможно. Но я понял очень важную вещь. Я мало чего умею в этой жизни, но вот языки я знаю иностранные. Языки изучать я могу. И могу сказать, что всё зависит от внутреннего упорства и интереса.

МО: И, наверно, таланта?

ВМ: Конечно, нужен ещё и талант. Но талант проявляется в интересе к предмету, другого нет определения таланта. Если человек может 5, 6, 8 часов в день играть на фортепиано, и он не устаёт, ему не скучно – это и есть талант. Вот я мог – больше уже не могу, конечно, к сожалению моему большому. Последний мой язык, который я пытался одолеть – тибетский – так и остался в руинном состоянии, цокольный этаж, дай Бог, был заложен. Возраст не тот. А тогда мне это нравилось по одной простой причине: для меня это была отдушина, как и для любого простого советского человека 1960х. Умение читать по-английски, по-французски, по-немецки, не говоря уже о восточных языках, открывало для нас новый мир. У нас не было возможности выезжать за границу вообще. Я точно знал, что никогда и никуда не поеду вообще. Ездили дипломаты, которым я не буду, поскольку связей нет, либо работники очень важной ответственной организации на Лубянке, куда мне не хотелось. Стало быть, никаких других возможностей реально ведь не существовало, тем более в отношении Китая или Японии. Оставалось вымещать свою неудовлетворённость вот на этом деле. И я думаю, что достиг неплохих результатов. В Сингапуре я мог сесть в такси, разговаривать с таксистом, и только минут через 10, оборачиваясь, он с удивлением мог обнаружить, что сидит-то там «белый», оказывается! И в дальнейшем я никогда не имел трудностей в общении. Так что я очень благодарен этой синологической школе.

МО: Давайте вернёмся к Вашим студенческим годам. Расскажите, с кем Вы учились вместе, какие предметы и кто Вам преподавал?

ВМ: Ну, это очень большой вопрос! На него можно долго отвечать! Что касается китаеведения, то главным учителем для меня была Эмилия Павловна Стужина, которая занималась средневековой историей Китая, в частности – средневековым китайским городом. Вернее, не в частности, а

в особенности. Она, к сожалению, рано ушла из жизни – в 1974. Я только-только закончил университет и вернулся из Сингапура, где был на стажировке, и где для меня открылся китайский мир, и вообще весь мир. Где я понял, что я – полноценный человек. Я говорил на всех языках, так как к тому времени изучил и французский язык, и японский. Французский я изучал самостоятельно, потому что мне очень хотелось. У меня была преподавательница, очень хорошая, старая интеллигентная женщина, ещё дореволюционной формации. Но я только взял у неё несколько уроков для постановки произношения – денег-то у меня не было. А потом я просто учил диалоги наизусть. Кстати, хочу посоветовать всем лучший, единственный и неизменно эффективный способ изучения иностранного языка – просто выучить наизусть какое-то количество (чем больше, тем лучше!) диалогов на этом языке, выбрав для себя определённый характер или роль. Вы выбираете себе некоторого персонажа. Вернее, конструируете себя в этом иностранном языке так, как актёр разучивает роль. Он ведь не просто её учит наизусть, как это делают школьники – бубу-бу. Он её *раз*-учивает. Он должен войти в образ Гамлета. И не просто бубнить слова Гамлета, а быть им. Так же нужно изучать и иностранный язык. И только в этом случае вы начнёте реально говорить на иностранном языке. Только в этом случае! У нас есть такая иллюзия, особенно она среди тайваньцев распространена – чего учить-то? Вот, я поеду за границу и там быстренько освою всё. Да, поедете. Вы можете «насобачиться» в способности говорить на иностранном языке и понимать. Вот это единственный плюс, который вы получите. Но знать язык вы не будете, если вы не потратите время на изучение языка лично, самостоятельно, в какой-нибудь «ночной тиши». Вы должны выработать своё «Я» на иностранном языке. Каждый из нас имеет, например, русское «я», выраженное в его родном языке. Мы уже забыли, как мы его освоили. Это наш характер, наша личность, наша жизнь, всё что угодно. Мы просто живём в ней. Это же мы должны сделать с иностранным языком. Но мы должны придумать свою роль, вообразить себя. Это сродни работе актёра. Он должен быть заинтересован, должен иметь и талант, и интерес к этому. Иначе вас ожидает судьба, грубо говоря, какого-нибудь «папуаса», который приезжает в страну, лопочет что-то через пять лет, но вызывает улыбку, а то и смех окружающих, потому что он говорит неправильно и, главное, нелепо. Он не умеет выражать свои мысли, потому что не умеет ни артикулировать свои чувства надлежащим образом на этом языке, ни выражать мысли. А сделать это можно только изучив грамматику, хорошие диалоги, научившись читать книги и много прочитав книг на этом языке. К сожалению, сейчас у нас много так называемых

«китаистов», которые пожили в Китае 2-3 года и думают, что уже всё знают, всё могут переводить. Очень большая иллюзия и соблазн. Но, к сожалению, нынешняя ситуация этому способствует, потому что все изучают китайский язык из коммерческих каких-то интересов. Очень мало людей, желающих изучать язык именно с научной целью. Раньше этого не было, потому что ещё в 1970х и даже в 1980х ни о какой коммерции в Китае речи быть не могло. Была только великая китайская цивилизация. Многие её изучали, даже дипломаты, которые выполняли свои узкие функции. Вот что я хотел сказать насчет языка.

МО: А где Вы освоили японский?

ВМ: Если вы помните, мне отказали в праве изучать японский язык. Тем не менее, у нас было право выбора второго восточного языка. И я стал сам заниматься японским языком. Не помню, как это получилось, но я «допёк» начальство. И единственный раз (потом может, и были случаи, но при мне – впервые за 20 лет) нашей группе дали японский язык. По показателям наша группа была лучшей во всём МГУ– нам даже премии разные выдавали, посылали в Литву на экскурсию, поощряли (смеётся) за то, что у нас была такая замечательная группа... У нас были уникальные совершенно люди, это факт!.. И мы два года изучали японский. Правда, всего раз в неделю. В общем, на выходе только я один его знал. Я мог читать и говорить, и дальше продолжал его учить, действуя своим старым «сермяжным» способом. Просто учил наизусть многие-многие диалоги, я просто их зубрил. Бывали просто смешные случаи. Например, однажды летом на даче, занимаясь японским языком, я иду на колодец, он у забора был. Набираю воды, а сам повторяю японские слова и выражения. Представьте себе, молодой человек набирает воду в колодце и говорит, довольно громко: *Нива-нива, ироироно кига уэте оримас* – «в саду посажено много деревьев». Я оборачиваюсь, на меня смотрит какая-то женщина через забор, с совершенно ошалевшим видом. Потом она моей тогда ещё здравствующей бабушке говорит: «Как мне жалко того молодого человека». – «А что?» – «Да что-то он – того в голове». Такой вроде приличный молодой человек, а вот такая штука, как же это плохо! Вот, такие дела... К сожалению, немецкий я плохо знаю, потому что он оказался мне не очень нужен. Но у меня были хорошие друзья. Лучшие друзья в Сингапуре у меня были немцы, и мы долго с ними занимались немецким языком. Но, к сожалению, на немецком у меня не было хороших диалогов. Я помню эти диалоги ГДРовские, они все вертятся вокруг парторганизации какого-то там предприятия. Выучить их было

очень сложно. А французский я выучил по польскому курсу французского языка. Был очень остроумный курс и очень сложный, в нём были разные персонажи, все довольно ядовитые и ироничные, я просто кусками из этих диалогов шпарил в Сингапуре при французах, включая стихи, которые туда включались, про кухню, каких-то там поваров. У них глаза на лоб лезли! И они просто не верили, что я никогда не был во Франции и даже вообще француза живого в глаза не видел, пока не приехал в Сингапур.

МО: Но давайте всё же вернёмся в ИВЯ...

ВМ: Да, преподаватели. Как я уже сказал, Эмилия Павловна Стужина, специалист по средневековой истории Китая. Я учился у неё все 5 лет, это мой учитель. К сожалению, я оказался плохим учеником, хотя на защите диплома она сама говорила, что только плохие ученики копируют своих учителей. Дело в том, что у меня темперамент такой – меня всегда тащило, влекло куда-то, за пределы чистой академической исторической науки. Тем не менее, она привила мне очень сильный вкус к изучению источников. Я очень хорошо наловчился читать многие разные китайские исторические сочинения, и многие вещи извлёк для себя в дальнейшем, потому что сразу же стал преподавать. Например, когда подошло время писать дипломную работу, она мне дала такое задание: прочтите книгу конфуцианского учёного Гу Янь-у, под названием *Тянься цзюньго липиншу* – «Книга о выгодах и убытках областей Поднебесной». Он написал такой огромный энциклопедический труд, в котором описал все районы Китая, в основном с экономической точки зрения, потому что он занимался социально-экономической историей – и всё, что он там знал, он вписывал. Уезд такой-то, там такие-то дела. Что я должен был сделать? Ведь в то время никаких ксероксов не было, единственный экземпляр был в Ленинской библиотеке... Короче, летом я пошёл и снял микрофильм этой книги. Это стоило порядочной суммы денег для моего студенческого бюджета. И довольно много времени я получал этот микрофильм. Дома у меня был детский проектор, и стал я его читать. Два года я его читал, совершенно, извините, «оборзел» от этой книги. У меня до сих пор лежат 5 огромных тетрадей, списанных с вэньяня Гу Янь-у. Если бы я это всё издал, я был бы уже пять раз академиком. Но дело вышло так, что материал оказался слишком разрозненным. Он никак не сшивался в какую-то тему. Из него пришлось взять только маленькую часть. Если бы то время, которое я убил на чтение этого труда, да потратить на чтение каких-нибудь социологов и философов, я был бы уже, наверно, совершенно неподражаем! Но я убил массу времени на это чтение, из

которого ничего не вышло... Тогда мы были люди забитые, это сейчас студент распоясался и требует всего сразу. А тогда надо было выполнять указания учителя. По крайней мере, у нас было так принято, поэтому я даже пикнуть не смел. Всё это смиренно переводил. Но в конце дал понять – ну, и дальше что? Вот я перевёл, и что же из этого извлечь? Посмотрите! А Эмилия Павловна тогда сказала мне: «Мол, извините, вот так получилось! Я хотела узнать, что там было написано, в этой книге». В общем, выполнил эту работу. Мы вдвоём узнали, что там было написано, но из этого не получилось великого диплома. Пришлось его подвёрстывать под мои курсовые работы, 4-го курса, в частности. Тем не менее, получился довольно большой диплом. Но заведующая кафедрой – Лариса Васильевна Симоновская – была весьма недовольна моей не шибко марксистской позицией в дипломе. Хотя чего там было «немарксистского»? Просто я написал его так, как нельзя было ещё писать. Шибко свободно написал. Она хотела мне «три» поставить за этот диплом. Там вышел дикий скандал, как я потом узнал, и только Стужина меня отстояла с Михаилом Филипповичем Юрьевым. Симоновская сказала – у диплома композиция какая-то странная. А она действительно была странная, так как он был слеплен из двух исследований. Но что делать-то, я-то не виноват был. Но он был большой, и Юрьев сказал по этому поводу: ну, что же, мы накажем его за то, что он два диплома написал? На этом Симоновская вроде бы сдалась, и мне поставили «пять», но с замечанием, чтобы больше никаких вольностей себе не позволять! Я не помню, в чём они состояли, эти вольности. Видимо, в стилистических каких-нибудь закидонах, я это любил делать всегда. Потому что ничего «немарксистского» там быть не могло. Но Ленина я ни разу не процитировал никогда, ни в каких диссертациях, это точно. Маркс был у меня, с его «деспотией» и прочими общинами восточными, азиатскими. Он действительно здесь важен. Так что фрондировать я тоже старался, как мог, понемногу. Но это естественная реакция, зачем я буду вписывать Ленина в предмет изучения древнего Китая, согласитесь.

Учила нас и Зинаида Григорьевна Лапина, ныне здравствующая, дай Бог ей здоровья! Низкий ей поклон, она ведь всё время преподавала в ИСАА, мы потом были коллегами по кафедре. Она преподавала нам средневековую историю. Александр Миронович Григорьев преподавал новую и новейшую историю Китая. Прекрасно преподавал, в живом, энергичном стиле. Правда, всё это было с уклоном в КПК и марксистские отношения, что мне было не очень интересно. Но сам стиль подачи и форма были очень и очень поучительны. Ну и, конечно, Михаил Васильевич Крюков, который был и остаётся для меня образцом научной

строгости и аккуратности, в чём заподозрить меня, многогрешного, конечно, трудно. Тут я никогда не мог с ним сравниться, по части строгости научной и объективности. Вот, таким образом преданности чистой науке для меня был немеркнувший Михаил Васильевич, который был у меня и руководителем кандидатской диссертации. А потом много лет мы с ним сотрудничали, были с ним соавторами в известной серии книг по этнической истории китайцев. И я потом даже ушёл из университета к нему в Институт этнографии. Это было в 1986. Тогда я хотел заделаться этнографом, но получилось не очень хорошо, в силу обстоятельств. Так что этнограф, или этнолог, или антрополог, как нынче выражаются, из меня не очень получился, хотя я довольно много там писал. Но это тоже отдельная фундаментальная наука, достаточно скучная. Там свободы для манёвров не очень-то много. Да, Крюков преподавал нам сначала древний Китай, потом многие вещи на старших курсах. Я, правда, у него напрямую не учился. Но мы много общались помимо аудиторий. И в смысле методики научного изучения, конечно, он был для меня образцом.

Очень много преподавателей замечательных было, всех не упомянуть... Трудно представить себе, что Михаил Серафимович Мейер был тоже моим учителем. Он преподавал мне историю Востока. С 1992 он – директор ИСАА. А в 1967 он уже читал мне лекции по древней истории Востока, вместе с Деопиком Дега Витальевичем. Кажется, Дега Витальевич всё ещё работает в ИСАА, дай Бог ему здоровья! И вот, они уже учили меня, учили многому. Всё-таки уровень был довольно высокий у нас в востоковедении. У нас не было такого безобразия и мордобития опричнического, какое было в истории западной, где за этим всем бдительно следили, чтобы там – ни-ни! – не шибко особенно. Как и в истории России, сами понимаете. А китаисты имели свободу. Были две разновидности учёных, имевшие относительную свободу после примерно 1968. Американисты и китаисты. Американисты имели привилегию, не знаю, по каким там причинам, сейчас не могу вспомнить. А китаисты имели привилегию писать относительно свободно, что они думают о Китае, потому что совершенно было непонятно, что о нём надо писать. Потому что Китай вёл себя так, что никакой линии выработать генеральной супротив него было невозможно. Поэтому де-факто позволялось высказывать разные мнения о событиях в китайской истории. Тогда как о событиях в русской истории двух мнений быть не могло по определению. А о Китае – могло. Были дискуссии, и даже школы разные существовали в 1970-80х, что немислимо было, допустим, для тогдашней

европейской медиевистики. Не знаю, сейчас есть школы или нет – для меня вообще всё в серых тонах видится, что происходит в России сейчас по научной части. Но тогда это было очень важно, потому что можно было выслушивать разные мнения и взвешивать, рассуждать с разных точек зрения.

Возник такой парадокс – в Китае – Компартия, братская партия КПСС. С другой стороны, она относится резко враждебно к КПСС и к Советскому Союзу. И как быть в этой ситуации? Ругать их или не ругать? И поэтому в Москве всегда колебались. С одной стороны, конечно, приходилось ругать. Ведь они выливали ушаты критических замечаний, мягко выражаясь, на эту КПСС. Они называли КПСС «ревизионистской», «продажной», «переродившейся» и т. д. С одной стороны, надо было отвечать на эту критику. С другой стороны, это же явно были не буржуазные какие-то авторы. Значит, надо было найти какую-то контроверзу внутри марксизма, так, чтобы доказать, что правы-то мы, а не они. Это открывало возможность толковать марксизм по-разному. И конечно, особенно после 1968 такие люди, как мой учитель Стужина Э. П., пытались приложить, скажем так, опыт чешских товарищей. Явочным порядком, конечно, потому что они все были осуждены. Но, например, «социализм с человеческим лицом», «молодой Маркс», который придавал большое значение идеологии, а не экономике и тому подобным вещам – как-то сам марксизм пересмотреть-то не мешало бы. Вот, в такой обстановке я и рос научно. Но это лишь одна сторона медали. В 1972, если не ошибаюсь, когда я как раз заканчивал МГУ, в Институте Востоковедения АН СССР начались знаменитые конференции «Общество и государство в Китае». Там проходили довольно свободные обсуждения того, что такое Китай, какие в нём происходят процессы, какой характер носит китайская цивилизация, где там феодализм, где там рабовладение, или, может, там азиатский способ производства имеется, и так далее. Наш преподаватель М. В. Крюков, ведь, отвергал рабовладение и феодализм в Китае. По сути – не совсем прямо, но не писал о них вообще. Выходило, что строй в Китае какой-то странный. Ну, никак он не вписывается в классические школьные схемы марксизма, которые должны были принимать к исполнению все советские историки. В общем, была относительная свобода. Вплоть до того, что можно было всё что угодно писать о Китае, какие-то вещи проходили очень нелюбезные в отношении Китая. Как бы там ни было, такая среда была благоприятна. Но я все же не был удовлетворён ею. То есть, всё было очень хорошо, люди были прекрасные, особенно преподаватели языка и лингвистики. Я

не упомянул многих, а они же были блестящие люди – Тань Ао-шуан, А.М. Карапетьянц, это же были – и есть! – учёные экстра-класса в своей области! А историки были – как бы вам сказать – ну просто они были так «заточены», как сейчас принято выражаться. Других быть не могло в университете при всём желании... Они были максимально открыты, они были все в высшей степени компетентны. Я даже, честно говоря, жалею, что нам слишком много преподавали язык. Например, мы без конца читали Жэньминьжибао, раньше других-то газет не было. Если бы нам дали возможность читать просто социологов и философов – тут мы были совершенно не подкованы. Какой-нибудь Вебер, Шпенглер, не говоря уже о Ницше, которого просто достать было нельзя. То есть, какого-то систематичного знания о европейской философии, культурологии и социологии в те времена, увы, в университете было получить невозможно, в силу многих обстоятельств. Я пытался это восполнить, честно вам скажу. Часто, чуть ли не каждый день ходил в библиотеку и читал сам. У меня горы остались тетрадей исписанных. Я всех пытался перечитать и понять, что я с них могу получить, этих классиков философии и социологии. Сколько мог – я прочитал. Многих, почти всех. Читал очень много. Это никак не отразилось в том, что я написал, напрямую. Я всегда думал – ну, почему я пишу, а моё знание Ницше (а я его знаю профессионально) не входит в это. Но потом я понял, что так и надо. Мало ли, что мы умеем делать. Может, я на фортепиано отлично играю – не должен же я его носить с собой и всем показывать, что умею это делать. Но это очень важно, потому что я смотрю на молодых людей, которые сейчас точно не читали Ницше с Шопенгауэром, но рассуждают о Китае или о философии. Вот такого безобразия в наше время быть не могло. Так же и незнание китайского языка – где-то со второй половины 1980х появилась волна людей – не помню, откуда они появлялись. По-китайски они не читали, но о Китае знали всё. Вот, в чём разница между профессионалом-китаистом и «философом, знающим Китай»? Трудно объяснить, ведь способный человек может так описать Китай, не зная его, что это будет очень хорошо воспринято и на ура пойдёт среди широкой публики. А я не могу это читать, меня тошнит, потому что там всё неправда, всё перевернуто внутренне. Я пытаюсь соотнести то, что он пишет, с оригинальными вещами, и не вижу той подосновы, от которой он идёт. Конечно, можно сочинить свой Китай. Это тоже почтенный жанр в каком-то роде. Зачем нам ехать в Китай, я могу написать об этом Китае – и так и делают. Даже книги есть, вот, некий Секацкий – «Два ларца, бирюзовый и нефритовый». Мистификация такая под китайские сочинения. И мои знакомые, интересующиеся Китаем, с восторгом

читают – «как прекрасно написано! Но подозреваю, что мистификация». И они не могут отличить мистификацию, подделку от оригинала. Так же, как неэксперт не отличит подделку Рубенса от оригинала. А надо отличать? В наш век уже и не надо, поскольку журналисты уверяют нас, что они истину сами фабрикуют, и нечего там думать, что было на самом деле. Было так, как мы вам говорим, это и будем обсуждать. Это интересный момент, это новое уже, пришедшее вместе с оцифрованным миром. Такого тогда не было ещё, мы все стояли за правду горой. Я уже, правда, довольно коррумпирован этим новым состоянием культуры, но некоторые мои коллеги стоят твёрдо на своих принципах. Александр Андреевич Писарев, например, «законченный» историк. Вот он изучает историю как таковую... а истории – нет, оказывается. Как выясняется, история-то состоит вся из придумок, мифов, фантомов, которые мы сами сочиняем. Зачем её изучать, когда вам напишут сто журналистов, кто такой был Иван Грозный. И он был такой, каким они его описали. Подумайте над этой проблемой современной исторической науки! А ведь это интересный вопрос! Вот, копните жития русских святых. Там ведь вопрос серьёзный: Борис и Глеб были убиты или нет, а?! И вот какие-то [журналисты] выясняют, что не были они убиты. А раз не были убиты, то православие на чём стоит? Ни на чём? Это очень деликатный вопрос. Ладно! Возвращаемся к востоковедению.

МО: Итак, с кем же Вы вместе учились?

ВМ: Группа у нас, как я уже сказал, была замечательная. Лучшая, можно сказать, среди всех времён и народов в университете. У нас почти все были круглые отличники. Мне было наиболее интересно общение с Николаем Маминым, который блестяще знал пять-шесть языков, включая японский. Он был внутренне абсолютно свободный человек. И, конечно, ни на какую работу устроиться в нормальное учреждение не мог, потому что за ним был шлейф разных высказываний, которые он допускал на семинарах.

Андрей Островский, замдиректора Института Дальнего Востока РАН. Мы учились с ним пять лет. И, вот видите, он стал очень известным учёным-экономистом.

Тарасевич и Морозов. Их след сейчас потерялся, они работали за границей. Валерий Морозов работал в ООН. Из нашей группы взяли несколько человек в ООН. Не меня, конечно, это понятно. Но я особо и не рвался, по правде. Вот, так. В общем, жили мы очень хорошо.

МО: Сколько человек было в вашей группе?

ВМ: Сейчас не помню, 7-8 человек, не больше. А на курсе человек семьдесят. Из товарищей по курсу я поддерживаю отношения с Дмитрием Добродеевым (с перерывом большим, правда) – арабистом, который давно живёт в Европе, и пишет, издает книги на русском языке. К сожалению, я не поддерживаю отношений с другими однокашниками, потому что живу на Тайване, очень занят. Хотя, вот, наш Василий Николаевич Добровольский (*глава представительства РФ на Тайване на момент интервью - М.О.*) – мой сокурсник из японской группы. Так же как и его супруга, Татьяна Редько. Мы отлично знали друг друга, много по литературной части общались. Она – очень замечательный, талантливый переводчик! Переводила и переводит старые японские новеллы, что не каждому дано. Кстати, выпускники японской группы, в которую я не попал (смеётся) – такие как Саблин, тоже женившийся на сокурснице из японской группы – они работают в Японии. Некоторые работают в МИД, все они прекрасно себя зарекомендовали. Так что, наш курс дал много известных людей.

МО: Какие события времени и личные обстоятельства больше всего повлияли на Вашу китаеведческую судьбу?

ВМ: То, что я учился пять лет в университете – само по себе уже событие, которое так повлияло, что дальше некуда. А потом я сразу стал преподавать. Случилось так, что, окончив университет, я уехал на год в Сингапур. Это очень важное событие, потому что оно открыло мне мир. И с тех пор я не рвался за границу. Понял, что я – гражданин мира, если я захочу им быть, и комплексы провинциальные во мне окончательно были изжиты. Я понял, что не уступлю никому из иностранцев с точки зрения того, что я могу и знаю. Мне, кстати, немцы в Сингапуре предлагали переехать в Европу. Очень долго меня уговаривали. Это был 1973. Они ж понимали всё. Говорили: ну, как же ты будешь жить в Советском Союзе? Тебя же угрошают там! Они всё отлично понимали, это же не американцы, а европейцы. Кстати, они были марксисты, левые, сподвижники небезызвестного Кон-Бендита. То есть, они были участники революции 1968, жгли документы в университете Западного Берлина – это было известное место, осиное гнездо этих революционеров 1968 г. Их и отправили-то в Сингапур, с глаз долой, подальше от начальства, чтобы они не шибко бузили там. И вот, они революционный пыл свой прикладывали к китайскому языку, но не шибко успешно. И они долго

зазывали меня, из лучших побуждений. Но я, конечно, не мог этого сделать, потому что это был бы скандалище большой. Я подвёл бы брата, который уже работал в важной государственной структуре. Подвёл бы людей, которые послали меня туда. Представьте, это же круговая порука! Скандалище был бы дикий в ИВЯ, если бы я сбежал за границу. Но главное – я не хотел быть беглецом, не хотел бежать. Уехать я могу, но бежать – не в моих принципах. Поэтому я спокойно вернулся в Россию, но вернулся уже во многом другим человеком. Не только потому, что оделся во всё западное, пользовался большим успехом у местных молодых особ – я всё-таки был «заграничный», при каких-то там деньгах. Это трудно понять сейчас, конечно, в России. И тут же мне пришлось начать преподавать. Было очень тяжело, потому что мне пришлось преподавать сразу пять курсов. Я даже помню, как Задоевко ко мне подошла и сказала: «Как же вы преподаёте так много?» Они хотели ещё, чтобы я преподавал китайский язык! Я его преподавал, но только древний. Я его, кстати, сам выучил, никто меня вэньяню не учил. Просто прочёл учебник вэньяня Яхонтова, если не ошибаюсь, и стал читать Мэн-цзы с русским переводом. Ну, и там пошло-поехало. В этом деле главное – начать, как говорил советский классик (смеётся), То есть, я просто начитался в течение года, и потом мог уже легко читать. Если каждый день читать вэньянь по часу в день, уверяю вас, через год вы будете его как орехи щёлкать. Кстати, Михаил Васильевич Крюков в своём учебнике древнекитайского языка предлагает переводить на древнекитайский язык фразы типа: «Вы поедете завтра на автобусе на работу?» – ведь, это можно и на древнекитайском языке сказать, при желании. Ну, мне достаточно читать. Говорить я предоставляю другим, если кому надо.

МО: Как Вы справлялись с такой нагрузкой?

ВМ: В течение 3-4 лет я был полностью погружён в преподавательскую работу. Я только и делал, что готовился к лекциям. Преподавал древнюю, средневековую, новую историю Китая, историографию Китая, экономическую географию Китая и чтение древних текстов. Это было каждый день, можете себе представить – это же надо было прийти на лекцию и что-то говорить в течение часа про древний Китай. А мне было, извините, 22 или 23 года. Я был самым молодым преподавателем. Что я знал? Даже если что-то и читал. Надо же было всё это скомпоновать в лекции. Поэтому у меня не было времени думать, что надо делать, и уж тем более писать кандидатские диссертации. Поэтому, к сожалению, у меня не было возможности писать диссертации нормально, как все это

делают. Я это делал по ночам, потому что другого времени не было. Потом пошли дети, приходилось подрабатывать. Я подрабатывал переводами, всякими обзорами политическими. Тогда был ИНИОН в полном цвету, выпускались разные сборники. Это было хорошо, потому что надо было читать, узнавать мнения о том, о сём. Но я уже много знал, когда вернулся из Сингапура. Ведь я учился у китайских профессоров и понимал примерно, что они думают. Я поменял тему. Раньше занимался конфуцианством 17 в., а решил заниматься даосизмом и ранней средневековой историей Наньбэйчао – Южных и северных династий. Это были темы моей кандидатской и докторской диссертаций.

А вообще этот вопрос сам по себе очень интересен – действительно, что побуждает нас выбирать нашу научную карьеру, путь исследований, к каким результатам приводит этот выбор? Давайте наметим эти вехи ещё раз. Во-первых, это университет, который дал мне что-то положительное. Но что-то было и отрицательное. Я был недоволен университетом, но понимал себя ещё как академического ученого в высоком смысле этого слова, если угодно. Я хотел быть учёным – тогда это было даже и почётно. Надо сказать, я был не лишён некоторой амбициозности, был лучшим студентом в группе и на курсе. Правда, я имел одну «тройку», которую потом исправил – по политэкономии социализма. Я просто не понимал это дело. Мне поставили «три», чем я поверг в полную протрацию всех окружающих, потому что был круглым отличником. Но потом исправили на четвёрочку, худо-бедно. Вот, какие были времена строгие! А по политэкономике капитализма у меня, конечно, была отличная оценка. Там был Маркс, и было всё понятно, что делать с этим капитализмом. А с социализмом я что-то никак не мог въезжать, например, в эти хозрасчёты, в эту надуманную теорию. Мне очень нравилось учиться, я это делал с большой охотой и готовил себя в академические учёные. Просто потому что... Если вы спросите, что во мне есть ценного, или какая моя главная черта характера, я ответил бы вам так: я неравнодушен к истине. Мне хочется узнать истину. Во мне это заложено. И поэтому я очень не люблю «базарить», выражаясь современным языком. Но очень ценю обмен мнениями и выслушиваю охотно – есть во мне эта европейская черта. Русский человек, ведь, не слушает. Я в этом смысле очень европейский человек. Как и китайский – он, правда, слушает с другими целями и с другими мотивами. Но он слушает тоже. Вот русский человек мало слушает, он лезет говорить что-то своё... Я, конечно, утрирую, но в нас это есть.

Итак, кончился университет. Я поехал в Сингапур. Там я увидел мир, в том числе китайский мир, как он есть, и всяких там иностранцев – в основном японцев, американцев, немцев, французов. И местную публику, разумеется – китайцев, индусов, и малайцев и прочих. Всё это я увидел, изучил как мог. Жили мы очень весело, даже не думали о деньгах. Довольно много тратили на всякие научно-познавательные цели. Выезжали в Малайзию, и т. д. Всё это было очень весело, хорошо. Это было такое содружество людей... Ведь это был 1972, Советский Союз на полном серьёзе, два лагеря. Но, вот, я с американцами мог дружить! Американец, Алан из Нью-Йорка, который жил в соседней комнате, приходил утром (у меня был холодильник, это была роскошь для студентов) и аккуратно съедал мой завтрак. Потому что я мог позволить себе поспать, а ему утром надо было бежать на занятия. А у него еды-то не было, и он съедал мой завтрак, как сейчас помню. Вот такие у нас были бытовые условия... (смеётся)

МО: И все же, как справлялись с нагрузкой в университете?

ВМ: До сих пор сам удивляюсь, как я весь этот «воз» вытянул? Если бы я его не тянул, то был бы уже трижды академиком, это точно совершенно. Все эти десять лекционных курсов я тянул 7 лет, которые должен был отработать. Потом я пошёл с Михаилом Серафимовичем Мейером на истфак, читать средневековую историю Востока. Это тоже отнимало много времени и сил. Но зато было приятно, потому что студенты истфака были совершенно раскованные и свободные. Это наши были забытые – труженики востока, потому что надо было изучать восточные языки. Если ты неделю пренебрежешь изучением восточного языка, ты уже потом мог не выкарабкаться вообще, это было бы очень тяжело. А историкам или филологам было всё равно – Пастернак мог всегда подождать. Они жили от сессии до сессии. У них было другое представление, они оценивали преподавателей «эстетически», если так можно выразиться. И довольно-таки, в общем, нагло выступали с вопросами, записками и т.д. Их интересовала свободная мысль. Это тоже была прекрасная школа.

МО: Что же было дальше?

ВМ: Дальше я почувствовал, что занемог. В 1977 я защитил кандидатскую по теме «Сильные дома в Китае в III веке н.э.» Это была тема, которую придумал Юрьев. Он мне сказал (я извиняюсь, конечно, за цинизм. Но что поделаешь, нынче такие времена уже совсем откровенные...): «Значит так,

у тебя что там, ребёнок, да? Сколько? Ага! Значит, даю тебе 3 месяца на написание кандидатской диссертации». Я был так называемый соискатель, потому что я работал как лошадь. Ясно, что заниматься наукой было совершенно некогда. Давай, говорит, тащи через 3 месяца кандидатскую диссертацию, иначе я тебя вышибу. Что-то в этом духе. Я с испугу её написал очень быстро, а что делать-то! Тем более, писать было просто. У меня уже было начитано всё. Защитил её очень быстро, продолжал работать – а это же повышение зарплаты. Дальше я почувствовал, что мне хочется за границу и стал пробивать этот путь. Появилась возможность выехать в Японию. Я поехал, правда, не сразу – 2 года я пробивался в Японию. Опускаю детали – это надо знать советскую действительность.

И вот, я выехал в Японию на полгода. Это второй важный момент. В 1982 я выехал в Токайский университет, как раз на кафедру, которой заведовал человек, занимавшийся этими самыми Южными и Северными династиями. Там я «а-натюрель» увидел Японию, куда с детства хотел поехать. Это был настоящий культурный шок! Это вам не Сингапур! Это бешеный темп жизни, японская «заведённость», унифицированность жизни, вышколенность японцев. Это был культурный шок для разгильдяя – русского человека, который в Китае чувствует себя нормально, потому что в Китае всё расхлябано, как и в России. А в Японии всё затянуто, подтянуто, приструнено так, что поезда мчатся по расписанию, всё работает как часы. Но иностранец там как бы «не пришей кобыле хвост», извините за выражение. Его терпят, как досадное недоразумение. Куда ж их девать, этих иностранцев? Надо же дружить с другими государствами! И, вот, представьте себе. Я живу, месяц, два, три. Я говорю по-японски, живу среди коллег, кручусь на кафедре, а со мной никто не разговаривает и вообще не общается. Как будто меня нет. Единственный, кто там был – это Каяма Йохей Тохеевич, как он себя называл. Это был великолепный человек, он очень повлиял на меня. Он занимался Центральной Азией, не Китаем, и немного говорил по-русски. И только он, в общем, взял меня под свою опеку, потому что тот, кто мною занимался официально, вообще на меня внимания не обращал, просто не разговаривал со мной. Потому что он был настоящий японец, который никогда не был за границей. И вот, я приехал, русский интеллигент. Ну, думаю, наверно, они захотят узнать, что думает русский интеллигент про Россию, про Японию. – Нет! Абсолютно нет! Совсем их не интересует ничего! Это мне сейчас хорошо говорить, когда мне уже тоже всё равно. Но не было всё равно в 32 года. Тем более после Сингапура, где были другие соседи-японцы, которым всё

было интересно, им было интересно, что я по-японски говорю, хотя и не японист и в Японии никогда не был. А тут это было даже неважно. Наоборот, это настораживало людей – вы по-японски говорите? С чего бы? Может, вы шпион? Кстати, в Китае меня тоже часто принимают за шпиона, потому что я говорю по-китайски. А как иначе? Чего он приехал, чего он тут вынюхивает?! (смеётся). Явно всё знает про нас!

О Йохей Тохеевиче я много могу рассказать. Прошу вас, дайте 3 минуты, этот человек достоин того. Его давно нет в живых, ему и тогда было уже под 80, в 1982. Он был человек замечательный. Марксист. У него дома висел портрет Маркса. Он, кстати, был единственный японец, который пригласил меня к себе домой. За полгода моей жизни там. Его жена поклонялась Марксу, каждый день зажигала благовония Марксу-сан, отбивала поклоны. Он очень любил выпить, это был второй момент. Причём пить он начал, будучи марксистом, в день капитуляции Японии в 1945, он застал его в Корее. Вот так, стал марксистом, начал пить, стал заниматься Центральной Азией. Наконец, у него была ещё одна страсть: гейши квартала Гион в Киото. Это единственные настоящие гейши, которые остались в Японии. Сейчас они немного коммерциализировались. У них есть свой постоянный театр. Раньше они только раз в году выступали, на день рождения императора. А сейчас можно приехать (имейте в виду!) в Японию, в квартал Гион, и там гейши дают представления свои. Йохей меня водил в этот дом гейш. И я, русский паренёк, прожил несколько дней в доме настоящих гейш! Моё пребывание там осталось незапечатлённым в анналах истории, а надо бы! (смеётся). Но это отдельный разговор.

МО: Какой же был следующий этап?

ВМ: Да, после возвращения из Японии ко мне пришёл Георгий Сергеевич Синицкий. Он читал к тому времени уже вышедшую и имевшую большой успех мою книгу о поэте 3 в. нашей эры Жуань Цзи. Очень необычный человек. Он был родом с Дальнего Востока и, как он говорил, с молодости учился ушу у китайцев. Хотя это дело покрыто мраком неизвестности и точно я не могу ничего сказать. Он был очень сильный мастер ушу. Не будучи китаистом и вообще никогда не занимаясь Китаем, он знал Китай так, как не знали его наши китаисты-академики. Он уговорил меня заниматься тайцзицюань. Это был 1983. И я стал заниматься тайцзицюань. До этого я считал – ну, куда мне лезть, я должен быть академическим учёным, который занимается историей Китая. И тут обнаружил, что

Китай-то может быть не только предметом научного изучения. Хотя я ещё тогда говорил, что для меня Китай – не история, а жизнь. Я хочу понять, что значит Китай в нашей современной жизни. Так я это воспринимал. И все мои заходы и подходы всегда процеживались через моё сознание. В этом отношении я бы себя сравнил (Извиняюсь, конечно. По калибру я просто несопоставим с этим человеком) с академиком Алексеевым, В. М. Китай которого есть не Китай, а «Китай Василия Михайловича Алексеева». Но это отдельный разговор – мои отношения с академиком Алексеевым, мой внутренний диалог с ним. Считается, что он донёс аромат Китая. Но он донёс свой аромат! Может, другого и нет. Что такое «аромат Китая»? Он доходит до нас через кого-то, через какого-то транслятора, передатчика. Тем не менее, я всегда ставил перед собой такую задачу – я хочу понять живой Китай, независимо от того, что это такое. И получается, что это ушу, и вся эта мистика школы, подвигли меня на эту стезю. Когда я первый раз поехал в Китай, а было это в 1988 (мне было уже 38 лет), я уже ехал с этой целью, и занимался только этим. И этим я не похож на академических учёных. Потому что академическая моя карьера была такая: в 1986 я перешёл в АН СССР по одной простой причине: я стал уставать от преподавания. Повышения я не получил в родном ИСАА, хотя работал много, написал учебники, которые остались неизданными. В частности, учебное пособие по источниковедению. Я стал уставать, потому что слишком много работал. Я ушёл в институт этнографии, где продолжал писать то, что и так писал. Но появилось больше времени, я мог больше заниматься другими делами, в том числе просто читать больше и заниматься своими культурологическими изысканиями. В 1991 я перешёл в Институт Дальнего Востока, как уже сложившийся учёный.

С 1991 я постоянно выезжал за границу по работе – то в Америку, то во Францию, то в Японию и Китай. Так что, по полгода в год я постоянно проводил за границей. Работал в Парижском университете два с лишним года. Правда, с перерывами. Потом, вот, на Тайване. Меня вполне устраивает моё пребывание на Тайване, потому что здесь я могу видеть живой древний Китай. Это мои личные уже интересы, эта возможность меня вполне устраивает. Короче говоря, получилось так, что моим главным интересом стало изучение живого ядра китайской культуры, которое может быть одновременно и международным, всемирным. Вот чего я хочу! Хочу изучать не просто отдельные факты и явления китайской жизни, а понять правду, мудрость Китая, насколько я могу это сделать, без всяких стеснений и академических эквивалентов. Поэтому мои

учителя в Китае – не профессора, а знатоки разных других вещей. Даосские наставники, мастера ушу, мастера каллиграфии, художники. Вот у кого я учусь. Честно говоря, профессора мне уже не очень интересны. Потому что в отношении к китаеведению наука академическая имеет очень жёсткие границы. И заканчивается это игрой в иероглифические бирюльки, если брать работу китаистов с текстом. Это всё прекрасно, я сам это практикую. Но мне мало этого, я хочу уйти за текст, я хочу уйти в жизнь, в реальный опыт, из которого этот текст происходит. А многие учёные – им всё равно, почему в тексте так, а не иначе. И выводы науки получаются такие примерно, что иероглиф *сюань* соответствует иероглифу *вэй*, а иероглиф *вэй* соответствует иероглифу *мяо*, а *мяо* соответствует *дин*, а *дин* соответствует *сюань*. И получается такой круг, по которому вы гоняете этот шар из лузы в лузу. Всё очень прекрасно, всё со всем связано. Ну, кто бы спорил?! Но принцип связи ускользает от такого рода изучения. И мне кажется, надо было бы восполнить это.

МО: Давайте вернёмся к Вашему первому посещению Китая.

ВМ: Да, представьте себе, что впервые я попал в Китай в 1988. Мне было уже 38 лет, и я был уже сложившимся учёным, автором 5 книг, преподавал в нашем университете 15 лет. Уже помирать пора (смеётся), а я в Китай только попал в первый раз! Правда, приехал сразу на 10 месяцев, на стажировку, и попал туда уже со своими сложившимися интересами. Я был в Пекине, в Педагогическом университете, где не учился, а стажировался, как учёный, при кафедре фольклористики, народной литературы и народной религии. Занимался я тогда народной религиозностью китайцев, сектами, много «наследил» в этой теме и довольно много над нею работал. Один из моих главных аспирантов – Тертицкий – защитил потом докторскую диссертацию по этой теме. Можно сказать, эту целину мы малость распахали. Потому что до этого – да и сейчас, кроме Тертицкого и меня никто этой темой не занимается в России. А «темища»-то огромная! Там же десятки, если не сотни всяких сект, это особая категория религии. Вот чем приходилось заниматься.

МО: Какое впечатление произвёл на Вас Китай, после Сингапура?

ВМ: Вы знаете, никакого. Китай в точности соответствовал моим ожиданиям. Я даже шутить стал по этому поводу – вы создайте свой мир, я создал свой Китай. И его никто у меня не отберёт, никто в него не залезет – это мой Китай. И, вот, я с ним хожу, с этим Китаем. И в нём всё

есть. А какой Китай на самом деле... – вот такая, понимаете, кантианская субъективно-идеалистическая, как сказали бы раньше, позиция. Но, понимаете, я так много, видимо, понял о Китае, что он меня ничем совершенно не удивил. Честно вам скажу. Ну, какие-то бытовые вещи я опускаю. Почему, собственно, они должны нас интересовать? Ну, много народу в автобусах было, в поездах. Сесть в поезд – проблема тогда была. Сел в поезд – грязища невероятная, все курят. И я ездил по Китаю, мой рекорд был 15 часов в общем вагоне – это, будь здоров, проехаться! Сейчас даже трудно представить, что это такое было! Люди тогда входили-выходили через окна, нельзя было просто выйти из вагона, так он был набит людьми. Поэтому, впечатления были, конечно. Но, с другой стороны, меня это не очень задевало. Вот, сейчас вспоминаю, был у меня знакомый из Лондонского университета. Он тоже мог ночь простоять в тамбуре на одной ноге,. И что он делал? Он читал Платона в тамбуре. В книге Кайзерлинга «Путевой дневник философа» описывается такое состояние путешествующего человека. Вы один и заняты своим миром, и вам важно быть в далёкой стране, но думаете вы о своём. Кайзерлинг вспоминает это. Чем важно путешествие? Вы, вдруг, с пронзительной ясностью себя лучше видите, что занимает ваше сознание. И я тоже – меня всегда это занимало. Вот я иду по Китаю, на меня все смотрят – тогда вообще все смотрели в упор на иностранцев. Сейчас уже не так. А мне всё равно – я сижу, или иду и думаю о Ницше, в каком-нибудь заштатном китайском городке. Нормально совершенно. И я тогда уже так жил. Я пережил кризис знакомства с Востоком в Японии. Это был очень тяжёлый кризис, когда в первый раз вы приезжаете и ожидаете соответствия вашим ожиданиям. Или ожидаете дружбы по вашим русским понятиям. И, вдруг, вы убеждаетесь на 3-м месяце пребывания, что не будет этого! И вы никогда не получите от японцев то, что вы хотите или ждёте от них. Вот этого психологического субстрата в них нет, нет того, что есть в русском человеке. Его нет и в китайцах, у них душа по-другому сделана, сложена, скроена. У неё состав совершенно другой. У них души вообще нет в нашем понимании. У них есть такая сетка, что ли, матрица такая жёсткая, кремниевая, которая заменяет им мягкий состав души, как я это понимаю. При том, что он есть, но он постоянно растворяется, пропуская через себя все токи и влияния, и вы сталкиваетесь тут же с этой кремниевой матрицей китайской души. Но она такая, что переживёт не только русскую душу, всё что угодно переживёт. Кремний же очень твёрдый материал, сами понимаете... Поэтому это меня уже не интересовало – я уже не ждал никакого общения, понимания – мне не надо было. Мне надо было получить своё,

заветное, и я его получал. Просто приходил и внаглую брал у китайцев, потому что я знал, где это лежит. Примерно так, как приходит вор и точно знает, какую половицу перевернуть, чтобы китайские богатства спереть (смеётся). Вот примерно моё состояние в Китае. В Японии я ходил и пытался брать за грудки этих японцев и требовать какого-то ответа от них. На что они, хлопая глазёнками, отвечали – да что же вы, господин хороший, от нас хотите-то?!. С китайцами такого уже не было. Хотя какие-то русские там жаловались, особенно некитаисты, приехавшие в первый раз – даже сейчас приезжают молодые стажёры на Тайвань и тоже жалуются, что им непонятно. А чего непонятного-то? Всё понятно. Я отлично себя чувствую на Тайване, потому что знаю, что я могу получить. И не требую того, чего не могу получить. Да мне уже и не надо. Вот, примерно мой ответ. Хотя русские, даже живущие на Тайване, могут и ругать местную публику. Русские, живущие в Японии, не при дамах будет сказано (и не при японцах), искренне считают японцев дураками и идиотами, потому что с ними невозможно общаться. И, правда, невозможно. По-европейски или по-русски – невозможно с ними общаться! Вы точно знаете, кто из них что скажет и на какой минуте. Китайцы тоже – у них нет такого расписания, как у японцев. Но матрица эта была мне знакома и понятна, поэтому я вышел на каких-то людей, которые мне были нужны, стал заниматься ушу, у меня были учителя. Я попал в какие-то школы свои и варился в этом соку, просто впитывая этот сок, и больше ничего. Зная, примерно, из чего он состоит, из каких ингредиентов. Я точно знал химический состав этой души.

МО: Тогда поделитесь Вашей «формулой» общения и сотрудничества с китайцами!

ВМ: Ну, вы знаете, это отдельную книгу надо писать. Я многие вещи написал. Боюсь, мои слова будут поняты неправильно. Поэтому никаких формул я не имею, это надо всё конкретно говорить. Во-первых, китайцы всё же все разные. Для меня японцы гораздо более одинаковы. Да и китайцы тоже так считают. Так что, китайцы разные бывают. Но они функционируют в рамках какой-то матрицы. Для нас, иностранцев, индивидуальная психология не важна. Нам важен тип национальный. Какой он? У китайцев – это известное дело. *Жэньцин*, *гуаньси* и *мяньцзы*. Лицо, человеческие чувства, которые переводятся как «человеческие обязательства», а не чувства – *human obligations* – переводят американцы. И правильно делают, потому что никакого чувства в нашем понимании там нету. Сохранить лицо, потерять лицо, игра с лицом, все эти интриги,

завязанные на лицо, и т.д., – вот китайское поведение. Оно изначально стратегично. Не сразу европейцы до этого додумались. Они думали, что китайцы хитрованы такие, а на самом деле – китайцы такие стратеги. Они знают – чтобы победить, надо отказаться от себя, а на стратегии замешана мораль. *Шэцзы цунжэнь* – откажись от себя, следуй другому человеку. У русского – каждый раз, когда я говорил об этом, это вызывало возмущение: а почему я должен от себя отказываться? Русский человек не может понять, что это стратегическая формула победы. Но, нет! Я не могу от себя отказаться. Значит, я должен вступить в конфронтацию и дать «ему» хорошо в морду. Вот вам и ответ. А китаец этого не сделает никогда, даже в уме.

МО: Это все о «химии» общения. А как сложилось Ваш «химический анализ» китайской кухни?

ВМ: Отлично сложился, с самого начала, с Сингапура. Я прекрасно себя чувствовал. И меня удивляют русские, в которых «не лезет» китайская еда, а такие бывают. Китайская еда такая разная! Моя любимая китайская еда – простая еда. Рис с овощами – это я всегда уважал, начиная со времён Сингапура. А из северокитайских блюд – пельменный ряд, так сказать. Вот жареные пельмени *готхе*, которые я перевожу как «липучки котельные». Кстати, не мешало бы их развести и в России, как общепит! Вот, приезжали тут как-то бизнесмены от общепита из Сибири, а эти «липучки» у нас в Даньшуге стоят 40 НТД за порцию. То есть, за 1,5 доллара США вы можете поесть. А с супом это будет два доллара. Это 60 рублей. Найдите мне в Москве место, где вы можете пообедать за 60 рублей! Причём пообедать вкусно и наесться.

МО: Были ли у Вас запоминающиеся встречи с китайскими учёными?

ВМ: Встреч было много, да и учёные, конечно, разные бывают... Но всё же китайские учёные скроены под одну колодку. Хотя есть и люди, незаурядные в личном отношении. Из встреч мне памятна встреча с Куан Я-мином, известным исследователем конфуцианства и Конфуция, бывшим ректором Нанкинского университета. Это было весной 1989. Почему мне запало это в душу? Это был известный учёный, который очень пострадал в годы «культурной революции». Он был одним из самых критикуемых учёных, долго мучился... Страшное дело – эта «культурная революция»... Я виделся с ним, когда он лежал в больнице, примерно за месяц до его смерти, он был очень болен. Я пришёл к нему в

больницу, ему было интересно со мной повидаться. Мы с ним беседовали довольно душевно, потому что человек уже предчувствовал, что покидает этот мир. И где-то ближе к концу беседы он мне заявляет: я сейчас понял, что Конфуций – это Маркс, который жил две с 2,5 тысячи лет тому назад. А Маркс – это Конфуций, который живёт сейчас. Он помолчал и добавил: но об этом у нас в Китае рано ещё говорить, нас не поймут. А я думаю, что прошло совсем не много времени, и китайцы отлично бы поняли, что хотел сказать Куан Я-мин. На самом деле, ещё у Го Мо-жо в 1958 была статья «Маркс в храме Конфуция». Эти настроения были тогда в новинку. Сейчас, ведь, китайский рынок – просто водопад всевозможных исследований. Бывают и очень интересные вещи, новые, оригинальные. Между прочим, у меня был хороший друг в Янчжоу. Это был просто самоучка, у которого одна рука была парализована. Поэтому он, будучи инвалидом, а в Китае быть инвалидом – дело жестокое (в Китае не церемонятся с инвалидами, как и вообще с человеком, поскольку народу много), находил утешение в том, что читал Конфуция. Видимо, мечтал для себя о добродетелях благородного мужа. Вот с ним очень приятно было разговаривать, потому что он очень хорошо был начитан в конфуцианских произведениях и был лишён этой схоластической стандартности, которая отличает китайских профессоров. Ну, а вообще, уровень учёности падает сегодня везде, и в Китае в том числе, к сожалению.

Ещё один учёный – Хэ Синь, почти мой ровесник. Он представляет собой странную смесь философа-либертарианца, очень свободного в быту, и одновременно сторонника жёсткого авторитаризма. Это был 1989, канун Тяньаньмэнь. Я же застал всё это, уехал из Пекина 16 мая, за две недели до этих событий. Я наблюдал это в университете, где это всё происходило на моих глазах. Все эти дацзыбао, студенты, которые митинговали каждый божий день. Я осуждал это, как человек «пожилой». – Не надо, ребята, учитесь! Добром это дело не кончится! Но там царил такая романтическая атмосфера, там были такие красивые студенточки, которые так переживали, плакали из-за студентов, голодавших на Тяньаньмэнь. Они буквально плакали на моих глазах, так они переживали борьбу за свободу и независимость. Это была почти русская ситуация.

МО: Вы познакомились с кем-то из диссидентов?

ВМ: А они все были диссиденты! Но из лидеров – не познакомился. Я был уже консерватор по тем временам. Не был революционером, и далеко уже ушёл от Кон-Бендита и моих немецких друзей. Я уже перешёл на другие

позиции и не разделяю эти взгляды. Я уже был, простите, ученик даосских наставников. Какие революции? Я занимался совершенно другими вещами, ушёл в личную жизнь.

МО: Что это были за наставники?

ВМ: Разные наставники, в том числе я официально являюсь учеником даосского наставника Цао Синь-и, фотография которого фигурирует в моей книге «Китайская цивилизация». Там Цао Синь-и в возрасте 93 лет. Это был совершенно феноменальный человек. Когда он вставал, казалось, он сейчас улетит к потолку, в свои 93 года. Он светился, в буквальном смысле этого слова. Он меня многому научил, подарил мне все свои рукописи, учил меня многим вещам, несмотря на все формальности. Формально – я представитель 22 поколения школы Лунмэнь. И здесь (на Тайване) я тоже таковой же, у меня здесь есть формальный учитель Ван Чжи-нань, издающий журнал Даньдао, то есть «Культура эликсира», где я печатаю русские переводы некоторых его сочинений. Уже 37 номеров он издал. Здоровеннейший журнал, между прочим.

Есть и другие учителя. Например, Ли Цзы-мин. Это легенда, эпоха. Кстати, я один из немногих, а, может, и единственный русский, запечатлённый на фотографии с Ли Цзы-мином. Это отдельный разговор, я могу рассказывать о них часами. Это люди совершенно феноменальные. Вот для меня настоящий Китай! Ли было 85 лет, когда меня привели к нему домой. У него руки-ноги дрожали, но он занимался каллиграфией. Это был мастер багуачжан в третьем поколении, великий мастер, председатель Всекитайской ассоциации ушу. Он стал писать иероглифы, и когда взял кисть, рука переставала дрожать!.. Это – Китай. Человек не может шагу ступить, а пишет феноменально! Он подарил мне картины, которые подписал очень забавно и иронично. Потом он дал мне кисть и показал мне – пиши. Тогда я, слава Богу, занимался каллиграфией и мог ещё что-то из себя выдать. Я ему в ответ написал: *вэньсинь ухунь* – «культурное сердце, воинственная душа». И он так обрадовался, увидев эти иероглифы, увидев, что этот иностранец-то понимает всё в Китае. Он так обрадовался, что тут же вызвал меня на ковёр и сказал: а ну, сделай базовые упражнения багуачжан! Я стал делать. Он тут же, конечно, сказал – ну, кто так делает! Вскочил сам – и это человек, которого вели под руки буквально пять минут назад! И, вдруг, так стал ходить! Мой учитель (его ученик) был там, и Ли сделал ему знак рукой – «нападай!» А тот был здоровый 45-летний мужик, занимался ещё и другими школами ушу. И он напал на него – и я не видел, чтобы он подыгрывал ему! Но, вдруг, он

отлетел от него на 3 метра! Одним неуловимым движением, как и надо во внутренних школах, он его отправил в нокдаун. И это не было игрой, я уверен! Вот это – Китай.

Ли Цзы-мин – патриарх китайского ушу, совершенно прекрасный старик, настоящий мастер. В Китае есть такое понятие 民間的老師 *миньцзянь дэ лаоши* – народный учитель. В России у него нет прямого аналога. В России есть нечто подобное – самородки, народные учителя. Но они не пользуются таким большим авторитетом, как в Китае. Хотя и в Китае эти люди – «неформальны», но фактически они стоят на втором месте, рядом с официально назначенными помощниками компартии, её членами – в деревнях, например, в сельской местности, на низовом уровне. У нас они больше сектантского свойства, чудаковатые люди. А в Китае – это целая категория, довольно обширная. Везде она есть, везде пользуется уважением, и без неё невозможно представить себе строение китайской культуры, особенно в её низовых народных слоях. Очень важный момент. Они знают ответы на все вопросы, они научат вас всему, чего вы хотите, и поэтому они пользуются непререкаемым авторитетом у себя на местах. Я не нахожу соответствующих фигур в русском обществе, нам это не очень понятно. Главное – они являются воспреемниками, носителями очень богатой духовной традиции, связанной с теми или иными, как у нас сейчас выражаются (не совсем, по-моему, грамотно) духовными *практиками*. Во всяком случае, они – важная часть китайского общества. В последнее время я перелистывал книги – в последние два года в Китае были изданы описания школ боевых искусств разных провинций – просто голый перечень, какие в этой провинции водятся школы ушу. Их там сотни! И просто интересно, откуда они берутся. Там половина – даосы, треть – буддисты, а ещё треть – 江湖之人 *цзянхучжизжэни*, люди рек и озёр. То, что у нас называют «перекати-поле» (гуляй поле – ОМ). Это тоже особая, маргинальная прослойка людей. Их иногда литературно называют «странствующие рыцари справедливости», хотя это, конечно, не совсем так. В общем, это люди, не имеющие какого-то определённого лица: одновременно и знатоки искусств, и торговцы (потому что жить же надо!). Отчасти шарлатаны, отчасти мастера боевых искусств. Сами понимаете, если вы путешествуете один, приходится и кулаки иногда применять. У нас тоже такой большой прослойки нет, хотя разбойная вольница в России была, но как-то она не оформилась. Вот эти люди, они и были «разносчиками», носителями такого рода народных практик, которые находились где-то между официальным даосизмом и буддизмом, с одной стороны, и официальным обществом, с другой. Они были маргиналы, но одновременно создавали и какие-то центры притяжения у

себя в обществе. Их быт сейчас очень популярен в Китае благодаря романам об удальцах 武俠 уся. Особенно произведениям гонконгского автора Цзинь Юна, написавшего массу романов и создавшего, фактически, свой литературный мир, который имеет какие-то реальные корни. Но сейчас это такая большая «разменная монета» в играх китайцев со своей культурой. Она уже стала частью китайского культурного самосознания, без них уже нельзя. У нас в России проходили фильмы по романам Цзинь Юна. Просто я хочу указать именно на эту грань китайского общества. Она мне наиболее интересна, потому что маргинальна, обладает своими секретами и непохожа на наши. Тут есть чему поучиться и над чем подумать.

Что касается профессоров, представителей академической школы, то они меня не очень интересуют, потому что думают и говорят относительно стандартно. Я, в общем, знаю, что они скажут. Так же было и в Японии. Там редко встретишь яркую личность. И на Тайване, кстати, тоже. В этом нет ничего плохого. Существует цеховая корпоративность, солидарность. Учёные люди должны быть как-то «обструганы» под одну колодку, иначе они между собой не договорятся... Учитывая также фактор политический, особенно в те времена, когда говорили только то, что от вас требовалось говорить... Так что, это всё менее интересно.

МО: А приходилось ли общаться с какими-то общественными деятелями?

ВМ: Нет, я всегда держался в стороне от этого. Я не испытываю интереса к этому, я не лезу на свет рамп, на подмости. Мне неинтересно, потому что эти люди несвободные внутри. И я тоже им не интересен. Помню, в Париже я был однажды на пасхальном банкете русских эмигрантов, куда пришёл посол КНР во Франции – не последняя фигура китайской дипломатии. Он стал со мной разговаривать. И через 10 минут отошёл от меня, потому что понял, что я вхожу в такие сферы китайского общества, куда он, как посол, никогда не войдёт. Его не пустят никуда по разным причинам. И он не знает, и не сможет узнать вообще, как там люди живут – это факт. Поэтому ему стало неудобно как-то внутренне, и он свернул этот разговор об ушуистах и прочих маргинальных элементах. Есть центральная линия компартии – вот, извольте ей следовать.

МО: Вы следите за происходящими в Китае событиями?

ВМ: Ну, как всякий человек, который имеет отношение к Китаю, конечно, я просматриваю новости. Но специально – нет. Потому что я не

занимаюсь объективной действительностью Китая, так сказать. Это мне тоже не очень интересно, как личности, как человеку. Мне неинтересны политические новости, мне неинтересно, кто станет следующим секретарём КПК, и т. д. За такими вещами я специально не слежу. Они, конечно, попадают на глаза, проходят в новостной ленте Китая. Я думаю, этот поток новостей не даёт ничего в смысле подлинного понимания Китая. Я занимаюсь своей деланкой, как я это понимаю, духовным наследием Китая. Я понимаю отлично, что то, чем я занимаюсь, никогда не выйдет на передний план в Китае, и слава Богу. Так что в этом отношении я никаких иллюзий не питаю, да и не лезу никуда.

МО: Как часто Вы бываете в Китае?

ВМ: В Китае я бываю часто довольно. Каждый год – по 3-4 раза. Правда, в последние годы в основном езжу в Тибет. Через Китай я только проезжаю, но с удовольствием останавливаюсь в некоторых городах. В основном это Чэнду, Шанхай, Пекин.

МО: Это Ваши любимые места?

ВМ: Нет, это не любимые. Чэнду мне нравится просто, Шанхай – просто обстоятельства так складываются.

МО: А какие места – любимые?

ВМ: Трудно сказать. Может, наиболее *интересные* места? Например, провинция Шаньси, лёссовое плато, где древний Китай. Я даже хотел бы поехать туда ещё раз, по этим древним местам. Там сохранился древний дух Китая. И там, в общем, Китай, совершенно не похож на тот, что есть сейчас. Древний, бедный, но очень возвышенный. И второе наиболее интересное место для меня – это Сучжоу, конечно, сучжоуские сады. Это цзяннаньская культура. Она более поздняя, 16-17 века. Это просто моя тема, изучение её дало книгу «Сумерки дао» – одна из самых, быть может, значительных в теоретическом отношении книг, которые я написал. И она очень утончённая, эта культура, поэтому она интересна для изучения. Она чрезвычайно богатая и утончённая. А в Шаньси мы видим древний «скелет» Китая, и это тоже прекрасно.

МО: Какие дела приводят Вас в Китай?

ВМ: Дела? У меня нет дел в Китае! Ну, бывает, пригласят где-то выступить. Кстати, вот пример, как говорить с китайцами. Меня пригласили выступить на открытии Шанхайской всемирной выставки. Пресс-конференция, я что-то там говорю, после этого начинается фотографирование, как обычно. Подходит журналист новостного агентства Синьхуа. Казалось бы, не последний человек. Спрашивает – ну, как вам наша выставка. Я ему говорю – да, открытие было прекрасное... (накануне было открытие выставки, если вы его видели – это было такое грандиозное шоу с фейерверками многоцветными, Китай наловчился уже...) И я ему говорю – Китай есть Китай, вот эти фейерверки, это открытие – это очень китайская вещь. Фейерверк гремит, всё ярко, а внутри пустота, ничего нет. И это соответствует китайской мудрости, я ему цитирую: *чжэнькун шэн мяою* 真空生妙有 – «Подлинная пустота порождает утончённое бытие». Он не мог понять этого выражения вообще! Хотя это элементарщина такая, азбука духовной практики. Если бы он сунул хоть раз свой нос в какую-нибудь книгу... Я написал иероглифы, но он так и не понял. Ну, как тут быть, а? Кто кого должен учить китайским вещам? Это факт, однако. Я тут слышал, в Китае молодёжь не знает даже, кто такой Мэн-цзы.

МО: Вот так плавно мы подошли к следующему вопросу – Ваш взгляд на состояние современного Китая и происходящие там изменения?

ВМ: Ну, не знаю. Я никак не отношусь к тому, что происходит в Китае. Почему я должен как-то относиться к этому? Что происходит, то происходит. Не могу сказать, идут они в правильную сторону или не в правильную. Великое Дао было, есть и будет всегда и везде. Отойти от него нельзя. Но люди удаляются от Дао сами. Это я только цитирую китайский канон Чжуньюн. То есть, быть в Дао они не могут, но и отойти от Дао не могут. Всё этим сказано. Между этими двумя полюсами всё и вращается. Естественно, что Китай подтверждает в моём видении всё то, что я о нём думаю. Не хочу сказать, что это я такой умный, что всё знаю о Китае. Но именно поэтому я не особо лезу в повседневную жизнь Китая. Я и так всё знаю, на чём стоит эта вся жизнь. А если и не знаю, то, по крайней мере, мне интересно думать об этом, у меня есть свои ходы для понимания её. А описывать её, доказывать, что должно быть так, а не иначе – смешно. Жизнь любого сложного общества, любой национальный характер всегда, как у нас пишут, «сотканы из противоречий», это понятно априори, здесь всегда сплетаются крайности.

МО: Тогда как Вы лично оцениваете будущее Китая и китайцев и изменение роли и места Китая в мировом масштабе?

ВМ: Эти два вопроса, мне кажется, связаны между собой. Сейчас трудно представить себе будущее Китая вне глобального контекста. Китай стал глобальной державой, и его положение составляет одну из интересных его особенностей. Ведь что такое Китай? Это «срединное государство», по-китайски. Государство, находящееся в середине. Вольно или невольно китайцы всё же продолжают так думать. Но где границы Срединного государства, находящегося в центре мира? Это государство – в центре мира и везде одновременно. Китай – такая матрёшка, в которую вложены совершенно разные Китаи. Китай континентальный, какой-нибудь глухой Китай, вроде Внутренней Монголии, Ганьсу, горы и прочее. Затем, есть Китай периферийный – Шанхай, Тяньцзинь, Кантон, вообще побережье Китая. Причём этот периферийный Китай открыт Западу и сейчас весь испещрён особыми экономическими административными зонами. Эти зоны находятся собственно в континентальном Китае, но всё-таки там уже управляют иностранцы. Ведь есть предприятия, фактически пользующиеся там полной автономией. И это нормально для Китая. Дальше – совсем периферийный Китай – Макао с Гонконгом, совершенно особые административные образования. И это тоже Китай, хотя на Китай совсем не похожий. Дальше идёт Тайвань, который уже совсем на отшибе, но всё же в рамках большого какого-то Китая, мы не отрицаем этого. Объективно так оно и есть. Дальше начинаются китайские общины в Юго-Восточной Азии, там полно китайцев. В Сингапуре их большинство, в Малайзии их много, и везде они играют очень важную экономическую роль. Это тоже Китай. Ведь живущий в Малайзии китаец может стать членом КПК и платить членские взносы в свою родную деревню, что и происходит, между прочим. Представляете такое в России – чтобы какой-нибудь живущий в Париже русский вступил в какую-нибудь русскую партию и платил бы членские взносы в деревню Сосновка? И это воспринималось бы совершенно нормально? Построил бы там школы, больницы? А китайцы это делают для своих родных мест, потому что они к ним привязаны. Дальше идёт глобальный Китай в форме чайнатаунов. И в Америке, и в Европе есть чайнатауны – и это тоже Китай, правда? Более того, пекинское правительство откровенно делает ставку на них, как на свою «пятую колонну». Отростки Китая за границей – тоже Китай. Я обращаю ваше внимание на это обстоятельство, потому что это очень редко встречающаяся, уникальная в своём роде конфигурация. Та же

Япония рядом – совершенно другая цивилизация, которая ничего подобного создать не могла и не сможет.

МО: А что же Россия?

ВМ: А Россия – тем более. Мы такая огромная страна, но русский, выехавший за рубеж, – это «отрезанный ломоть». Более того, никак не могут собрать русских эмигрантов на форумы соотечественников – не хотят они ехать в Россию. Вообще не хотят ничего общего иметь, потому что политические мотивы там остаются сильными до сих пор. Или какие-нибудь старообрядцы, которые отлично живут в Америке и русскими себя считать не хотят. Хотя они говорят по-русски и сохранили все обычаи – парадокс нашей жизни, что наши русские патриоты, радеющие за Россию, должны у них учиться русской старине. Но те не считают себя русскими и с Россией не хотят иметь ничего общего, по одной простой причине – русское правительство их давило-травило в течение 300 лет, как только они стали старообрядцами. И, в конце концов, пинком под зад выгнало. Иными словами, Китай как срединное государство представляет собой ряд концентрических кругов, опоясывающих центр. Центры – это Пекин, Шанхай, условно говоря. От глухого континента к побережью, далее к периферии, и за периферией Китай расходится такими кольцами, как дерево разрастается. Он вырастает в мир, вплоть до чайнатаунов в США и Западной Европе. Здесь мы видим принцип организации, незнакомый европейцам.

МО: В чём его особенность?

ВМ: Всё-таки европейская мысль стоит на формальной логической идентичности. Империя должна быть равна себе. Государство имеет суверенитет, оно – национальное государство. Всякое общество и всякий гражданин должны иметь свою идентичность. А с Китаем мы наблюдаем соседство, сосуществование разных культурных миров, не говоря уже о том, что внутри Китая очень пёстр и разнообразен, и совмещает в себе разные образы мира. Такого Европа не знает. И поэтому Китай войдёт в будущий глобальный мир, который так или иначе складывается, и будет сложнее, чем мы думаем. Думаю, что в этом глобальном мире не будет единого принципа. Мне он видится как мир, сложенный на основании двух принципов. Первый – западный, представленный, прежде всего, Америкой, как крайним Западом и крайним выражением Запада, в основе которого лежит принцип самоидентичности, самотождественности формы.

Это общеевропейский принцип – форма должна быть рациональной, а её рациональность состоит в том, что она тождественна себе, сама себя объясняет и имеет сущность некоторую. Это всё идёт от Аристотеля и дальше, в форме европейской логики и европейских форм искусства разных эпох. Америка представляет этот принцип, именно поэтому Америка не в состоянии общаться с остальным миром. Она может только военным путём это делать, путём диктата и войны. Практически она не в состоянии вступать в диалог с другими цивилизациями, потому что эти цивилизации кажутся ей ущербными, несовершенными. Поэтому воевать нельзя с ними. Их надо наказывать, как провинившихся школьников, потому что они ещё урок до конца не выучили, который им полагается. Ведь война предполагает равенство воюющих сторон, взаимное уважение и т.д. А вот Китай даёт нам другой пример. Китай занимает некое внутреннее, непроницаемое пространство внутри любого общества, считающего себя идентичным. Так же построена была Китайская империя: император сам по себе, народ сам по себе. Принцип китайской политики – живите как хотите, как это ни парадоксально нам кажется. Мы, ведь, привыкли думать, что Китай – это деспотия. Да, деспотия, в том смысле, что император мог любого взять и казнить. Формально – да. Но фактически это было не так просто. То есть, принцип управления Китаем состоял в том, чтобы правящая верхушка и народ жили обособленно, отдельно друг от друга. Как в «Даодэцзине» сказано, «о лучших правителях говорили так: народ знает только то, что они существуют». Народ даже не должен знать, как зовут правителя, и уж тем более разбираться в том, что должен делать государь и какие меры принимать. Я хочу обратить внимание на это обстоятельство. Это то, что мы называем мета-политикой. То есть, общество и государство не видят друг друга. Они так далеки друг от друга, что находятся за линией своего горизонта, а такое вполне возможно. Представьте себе гористую местность. Я по одну сторону горы, а вы – по другую. Мы же находимся рядом, но я вас не вижу, и вы меня – тоже. И мы живём. Может, я знаю, что вы существуете где-то там, за горой, но, как говорил тот же Лао-цзы, у меня нет желания поехать посмотреть на вас. Потому что всё равно эта граница видения останется, независимо от того, как далеко мы можем заглянуть. Короче, китайская цивилизация стоит не на идентичности, а на осознании границы своей идентичности. То есть, на понятии события и превращения. Вещи реализуются лишь тогда, когда переходят во что-то другое. Бытие вещи, вещь оправдывается тем, что она *не* есть. Это очень непонятно и странно для европейца, привыкшего к тому, что вещь – это то, что она есть. Разве это не так, разве учебники логики не на этом стоят? А в Китае никогда не

было учебников логики и вообще такого понимания. Зато была стратегическая мысль: я буду действовать исходя из того, чего нет. Отсюда представления о том, что китайцы хитрые, стратегически умные и т.д. А они действительно стратеги. А что такое стратегия? Стратегия – это и есть понимание инаковости действия. Я выставил ногу, а вы хотите по ней ударить, и вы проиграете в любом случае. Потому что я могу эту ногу убрать, и тогда это будет провокация. А если вы не ударите, я просто войду и ударю вас. То есть, в любой ситуации вы проиграете. А это и есть стратегия: выставление ноги ничего не значит, на самом деле. Я привожу самый простой пример, но на этом стоит весь Китай.

Но давайте вернёмся к чайнатауну. Этот чайнатаун невидим для общества, в котором он находится. Более того, он представляет собой некую химеру Китаю. В чайнатауне продаётся что-то китайское, китайщина – китайская кухня, мебель, мацзяны, кунфу это китайское, и так далее. Всё это есть некая подделка под Китай. Китай – страна подделок, мировая фабрика подделок. А что такое подделка – это значит, что я показываю себя неаутентичным. Я не равен себе, поэтому я – подделка, я симулятор самого себя. Чайнатаун представляет собой карман любого современного общества, который находится за горизонтом любого политического видения. Это запредельность любой социальности. Китаец не враждует с этим обществом, но и не дружит с ним, не включён в него. Он практикует обходительное поведение, он вас обтекает, и вы его не замечаете. Как лёгкий ветерок весной или осенью – китайцы никогда не конфликтуют, но и не участвуют в политической жизни. Возьмите Юго-Восточную Азию. Любой режим в Малайзии их устраивает, любой режим в Индонезии их устраивает. Правые там, левые – они политически индифферентны. Это неспроста, и это можно показать фактически очень легко. Мне кажется, это очень важный момент, который Европа плохо понимает. Отсюда всякие фобии в отношении китайцев и т.д. Она требует от них – вы уж определитесь, с кем вы – справа или слева. А китаец не понимает, о чём его вообще спрашивают. Я с самим собой.

МО: А как же вечные «китайские предупреждения?»

ВМ: А это, кстати сказать, та же индифферентность. Вы знаете, что Китай, будучи членом Совета безопасности ООН, ни разу не голосовал ни «за», ни «против»? Он всегда воздерживается по всем резолюциям. А предупреждения – это есть охрана суверенитета – не лезьте в наше пространство, что естественно. Причём это всегда формальность, так как непонятно, что означает это предупреждение. Оно реально, или это чистая

форма? Я ногу выставил, а ударит вас моя нога? – мы не знаем этого. А назвать надо. Это такая китайская церемонность, чисто китайская вещь. При этом Китай только оберегает свой суверенитет. Это означает, что он не позволяет никому влезть в своё пространство. Это значит, что он не видим для других, вот и всё. Его нет, Китая. Что и должно быть, потому что Китай находится за Великой стеной, это такой внутренний анклав, в котором ничего понять нельзя. Конечно, я сильно упрощаю и утрирую, но не думайте, дорогие друзья, что вы легко поймёте Китай. Меня особенно умиляют отчёты наших русских гостей в Китае, которые говорят: Как китайцы хорошо всё там устроили! Как хорошо встречали, кормили, поили, возили, прекрасно! – И вы всё поняли? – Всё понял! – Я всегда смеюсь над этим, потому что ничего он, конечно, не понял в китайцах и воспринимает этот приём как дружбу. А что ещё может подумать русский человек, если его хорошо принимают? Он думает – значит, его считают за друга. Ничего это не значит! Не буду говорить, плохо это или хорошо, это просто так.

Точно так же это применимо к отношениям Китая и России. Китай должен завладеть стратегической инициативой. Это достигается очень просто – путём формулирования ситуации, качества ситуации на данный момент. И я вас включаю в это качество, как музыкальный камертон. Вы имеете свой собственный звук, но я задаю вам ноту фа, и вы обязаны звучать в унисон с моей нотой. Как это сделать? Объявить стратегическое партнёрство. Трудно иметь что-то против этого, против дружеских, приятельских отношений. Китайцы, кстати, ни с кем не враждуют. Более того, даже Америка, которая следит за Китаем, допускает всякие антикитайские выходки, приняла резолюцию, что так называемое мирное освобождение Тибета было военным вторжением, и Китай находится в Тибете незаконно – это же полное отрицание китайской политики! Но это не мешает китайцам отлично дружить с Америкой. Вот интересный момент. Про Тайвань я уже и не говорю – это вообще русскому человеку не понять, как это может быть. Стороны воевали. Это как если бы Красная и Белая армии вдруг подружились бы, и понеслась – торговля, туристы. При этом это всё совершенно реально делается, это не показуха. А китаец есть китаец: в них такой состав, допускающий разнообразие, которого у нас нет. Я помню, как в первый раз отчётливо это понял, когда пересёк границу Китая с Гонконгом. Это было несколько лет тому назад, я приехал в Шэньчжэнь и поехал в Гонконг. Пересёк границу, прошёл по мосту через реку и попал в совершенно другой мир. И я подумал – ведь это же было сто лет! Сто лет китайцы сидели рядом по обеим сторонам реки, и никого это не волновало, что рядом совершенно другой,

английский Гонконг там находится... При этом, пользуясь Гонконгом, как они могут, китайские власти столько уж трубили о том, что, наконец, закончилось это вековое унижение, и Гонконг вернулся в лоно Китая... а, ведь если так хотели его вернуть, они могли бы это давно сделать. Макао португальцы уже сами отдали, хотя никаких договоров по его поводу не было, и китайцы особо-то не рвались его заполучить. Но это и есть пример того, как играет китайская стратегия. Весь Китай должен был два месяца стоять на ушах, празднуя эту «великую победу», которой Китай не хотел даже, вообще-то говоря. Каждый китаец должен был на собрании что-нибудь «сбацать» – песенку спеть, стишок сказать – каждый китаец! – чтобы отметить возвращение Гонконга. И все это делали, скрипя, конечно, разными частями тела (смеётся). К чему я это говорю? Что есть власть? Стратегически власть есть возможность самозахвата ситуации, какая она есть. Дать ей имя. Это предваряет язык, это предшествует логике. Здесь нет логики, здесь есть камертон, звучащий до того как вы рот раскроете. Спорить с этим нельзя. Невозможно оспорить авторитет КПК. Всё можно оспорить, только не это. Это хорошо известно в Китае – критиковать Компартию вы не можете. Почему КПК безраздельно господствует в Китае? Никто не отвечает на этот вопрос, потому что его и задать нельзя. Так же, как нельзя было задать вопрос, почему этот император есть император, а не кто-то другой. Априори власть – есть, она предшествует сознанию. Вы хотите спросить меня, а как семантически это складывается? Ведь есть формулы, их можно анализировать. Логически это полная чушь, если начинать разбирать. Они просто ничего не значат, эти формулы. Что такое «стратегическое сотрудничество»? К чему это относится? Есть какое-то содержание у этого понятия? – Нет никакого содержания. Есть ли какое-то содержание у 431-го предупреждения, высказанного китайцами в отношении чего-то? – нет никакого за этим содержания. Но форма-то есть, и против неё «не попрёшь». Я часто привожу такой пример. Как-то я был в Чэнду, и мне очень понравился один лозунг, который увидел там где-то на воротах. Я его выписал и даже проанализировал. Он буквально гласит: «Развивайте социалистическую демократию, оберегайте права членов партии». (Надо было, конечно, вместо «прав» написать «привилегии» членов партии). Здесь, на Тайване, это вызывает смех. Это как «в огороде бузина, а в Киеве дядька», как это совместимо-то? А это совместимо, потому что и то, и другое есть качество ситуации, которую держит власть в Китае. Конечно, если начинать вдумываться, у вас голова пойдёт кругом! Как это совместить? – никак, отвечаю я. Вот ответ на вопрос, что делает Китай, что ему надо. Я называю это стратегическим подпольем Китая: до того как мы вырабатываем какие-то

свои логические стратегии, Китай уже, в порядке самозахвата, называет ситуацию, и будьте любезны ей соответствовать. Очень современное, вообще-то говоря, поведение.

МО: А что Вы можете сказать по поводу современного состояния отношений между Россией и Китаем?

ВМ: Так же, как и Запад. Запад и Россия проигрывают в этом плане, потому что у нас нет такого рода стратегических формул. Мы разделены так, как Китай не разделён. Китай допускает разнообразие, в России это невозможно, на Западе тоже – по разным причинам. Китай, будучи унитарным государством, гораздо более федеративен, чем Россия. Самоуправление в Китае гораздо больше, чем в России. Разнообразие культурного и этнического – гораздо больше, чем в России. И китайцы, будучи очень разными людьми, прекрасно уживаются. Почему? Вот ответить на этот вопрос – это и есть задача китаеведения. Странно то, что никто не задумывается над этим. Я, например, не могу назвать ни одной работы, посвящённой этому. Описывают всё, что угодно – только не это. Это удивительно. Наше китаеведение, как и западное, довольно слепо. Оно слепо к китайской реальности как к таковой. Не к китайским реалиям так называемым, а к принципам китайской жизни. Потому что они настолько непонятны, что даже уловить-то их трудно, да и просто невозможно, если оставаться в координатах политической и социальной теории Запада. Может быть, я ошибаюсь. Но я не знаю ни одной убедительной книги, которая показывала бы Китай таким, какой он есть. Поэтому Россия плетётся в хвосте. Мы подыгрываем Китаю, потому что у нас нет стратегической инициативы. Поневоле. Тем более что стратегия Китая – двухполюсная, двухуровневая. Есть формальности – серьёзные предупреждения, суверенитет, – а есть ведь и низовая политика. Она чисто практическая, точечная политика: прийти в леспромхоз, закупить лес и увезти. Для этого не надо ехать в Москву разбираться, для этого достаточно прийти, выяснить цену вопроса, заплатить лесничему и увезти, и всё. И китайцы так и делают, и это и есть политика, потому что эта стратегическая формула, не имея содержания логического, – это точечный отзвук в реальной жизни. Как музыкальная гармония, она расходится регистрами по всему миру и выражается в отдельных нотах фактически. Где вообще локализована гармония? Вне отдельного звука она просто не существует. Правда, она может быть названа: скажем, си минор. Но что обозначает си минор? Это чисто формальная классификация, она ничего не обозначает. Си минор, стратегическое сотрудничество. И дальше

разворачивается симфония, в которую входят там – вывоз лягушек из Дальнего Востока, леса, орехов, самозахват того, сего и прочего, на низовом уровне, *невидимо* для центральной администрации. Это находится за горизонтом центрального правительства, не охватывается никаким взором. Жизнь не видна – это главный китайский принцип, и очень мудрый. Жизнь увидеть невозможно, но можно увидеть отзвуки жизни и дать ей формальную классификацию.

МО: Каково, по-вашему, будущее отношений между Китаем и Россией, китайцами и россиянами?

ВМ: Сакраментальный такой вопрос. Насколько я знаю, целая академия наук у нас в России занимается выработкой стратегии России в отношении Китая. Все на учёных заседаниях это обсуждают и так, и эдак. Что я хочу сказать со своей стороны? Вот я говорил об основах стратегического мышления китайцев. Они для нас очень странные. Запад этого не понимает. В России реального понимания тоже практически нет. Но мы должны прежде всего понять, с кем мы имеем дело. Это не хорошо, не плохо, никакие они не агрессоры, но и никакие они не овечки тоже. Они нам никакие не братья навек, но и не враги. Достаточно будет того, что мы увидим в них часть единой семьи человечества, и в этом смысле своих партнёров. Потому что быть русскими им трудно, а нам становиться китайцами тоже ни к чему. Вот что нам надо. Если мы понимаем принципы их стратегического мышления, то мы можем с ними иметь дело. Вся штука в том, что мы не понимали этого до сих пор, и сейчас этого нет. До 1966 мы думали, что китайцы – такие как мы. Ведь я ещё застал то время, которое вспоминали и мои преподаватели в университете. Один из них говорил так: я бы расстрелял всё советское посольство там, в Пекине, которое не могло сообщить правду о том, что происходит в Китае. Потому что любая попытка сказать на каком-нибудь совещании о том, что что-то затевается в Китае антисоветское, не просто пресекалась, а человека просто выгоняли из Китая, да ещё с волчьим билетом. Потому что он осмелился вбивать клин в великую советско-китайскую дружбу. Я помню это время, я его ещё застал. Ну, вот и заработали! Когда всё это случилось, все эти Даманские и прочие дела, мы вообще не знали, что теперь делать с Китаем. Окончательно растерялись, не знали, что сказать. Долго это тянулось, сейчас вот пошло это «стратегическое партнёрство», но кулуарно все ругают это партнёрство в хвост и гриву, потому что России от этого партнёрства – ни вару, ни товару никакого нет. Легко показать, что китайцы совершенно

точно берут то, что им надо, а до остального им дела нет. Ясно, что это прикрытие для обеспечения интересов Китая – я не буду вдаваться в эти детали. А вы что хотели, дорогие друзья. Мы в России такие идеалисты, думаем, вот, мол, у нас дружба, значит, надо последнюю рубашку с себя снять. Китаец этого никогда не сделает. У него нет этого психологического субстрата, он не будет снимать для нас не только последнюю рубашку, он и первую-то не снимет никогда. Не потому что он такой плохой, а потому что он не видит в нас то же, что мы в нём. Он не знает, как с нами быть, мы не можем общаться, иначе говоря. А психологический субстрат у нас совершенно разный. Русский человек, по моим подозрениям, всё-таки стоит на понятии жертвенности, он идеалист в глубине души. И всегда с русским человеком, даже замшелым бюрократом, можно поговорить, похлопав его по плечу и сказав: давай, мол, поговорим по душам, по-человечески. С китайцем вы никогда по душам не поговорите, у него и души-то нет в нашем понимании, как я уже говорил. Опять-таки, это не значит, что это плохо. Но это надо понимать. А мы, бессознательно или сознательно, всё ищем его душу, чтобы зацепиться за какой-то клочок душевности. А там – кристалл, кремниевая матрица, вроде стиральной доски, о которую русскую душу можно долго стирать, полоскать её так и эдак, пока её не измочалит окончательно (смеётся). Это не значит, что китайцы не могут нас понять, оценить наши дружеские чувства. Конечно, могут, и они ценят это в русском человеке, отчасти. Но, конечно, русское поведение часто кажется им глупым. Зачем сорить деньгами, зачем обниматься и целоваться на пустом месте, если для этого нет материальных предпосылок. Короче говоря, душевности в китайцах нет. А русская душевность стоит на жертвенности и самоотдаче. Всё отдам, последнее! – Ну так отдавай, пожалуйста, если хочешь, твоё дело. А я-то тебе чем обязан? – это ответ китайца, грубо говоря.

МО: Что же можно посоветовать политикам и дипломатам, ведущим дела с Китаем?

ВМ: Надо понять этот стратегизм, но у нас нет этого понимания. И отсюда берутся фобии. То боятся китайцев, то лезут к ним обниматься-целоваться. У нас же очень неустойчивая политика. Дипломаты, как всегда, вообще непонятное что-то говорят – всё под контролем, всё хорошо, всё тихо, ясно. А что хорошо? Что тихо-ясно? Что под контролем? – совершенно непонятно. А если бы они сказали – плохо, от них бы потребовали сделать так, чтобы лучше было, а никто же не знает, как. Поэтому, то ли они себя убаюкивают, то ли ещё что – мне непонятно.

Сколько я с ними ни разговариваю, никакого внятного ответа, что происходит, нет. Мне отвечают: Китай соблюдает международные договора (это правда), и он вообще ведёт предсказуемую политику (тоже правда). Но где гарантии того, что, когда он действительно станет экономическим и военным гигантом, и сможет действительно без особых проблем отхватить что-то от России, где гарантии, что он этого не сделает? – непонятно совершенно. Договор – для китайца клочок бумажки, это мы хорошо знаем. Он нам припомнит те договора, которые мы с ним заключили и под которые мы получили Дальний Восток, допустим. Китаец на договор вообще никогда не обращает внимания. В международных отношениях – да, потому что ему это сейчас выгодно. Ему нужны западные инвестиции и технологии. Понятно, почему он это делает, почему он прощает американцам даже явные антикитайские выпады, которые он не прощает другим странам. Или Далай-Лама – когда Европа скажет что-нибудь по поводу Далай-Ламы, Китай резко отреагирует, а потом спустя какое-то время всё приходит в норму.

МО: Получается, что «стратегическое сотрудничество» - просто миф?

ВМ: Что такое «миф»? Мы все живём в каких-то мифах. Это есть форма, артикуляция того, чего мы не знаем. Но это форма китайская, а мы что можем предложить? У нас есть формула? У китайцев есть – «стратегическое сотрудничество». А у нас что есть? Великая дружба? Но что конкретно? Тоже, значит, стратегическое сотрудничество. Но тогда получайте по полной программе то, что китайцы решат. На что же жаловаться? Тем более что для китайцев сотрудничество вообще не существует. Это непонятный принцип, взятый из европейского лексикона. Сотрудничество, так же, как и война, существует между равными самодостаточными величинами, каковыми являются европейские индивидуумы – индивидуальности или нации, государства. В Китае нет ни сотрудничества, ни войны. Они следуют общим интересам – это у китайцев есть. При всём их разнообразии они понимают, что это может работать на общий их интерес. В России нет этого понимания. Мы постоянно берём друг друга за грудки и выясняем – «а ты кто такой!» А в Китае этого нет. В Китае исключены такие разборки. Там везде есть Компартия, которая представляет априорный порядок власти и порядок стратегического действия, а всё остальное прилагается к этому. И в рамках этого происходят уже конкретные договорённости. Дело доходит до смешного, ведь уровень самоуправления в китайской жизни невероятно высок. Невероятно! Гораздо выше, чем на Западе. Я недавно узнал, что на

Тайване, в Тайбэе знаменитые ночные рынки – кто там торгует, на каких основаниях – ничего не известно. Это чистая самоорганизация. Люди приходят, занимают какие-то места и договариваются друг с другом. Как договариваются? – Неизвестно. А как договариваются муж с женой? Так и договариваются. И это они называют гармонией, стратегическим сотрудничеством. А что за этим стоит – Бог его знает. Посмотрите сериалы, что китайские, что тайваньские. Какие-то вечно плетут интриги. В основном женщины, правда, что понятно, потому что женщина в традиционном китайском обществе не имеет открытого права голоса, она может только интриги плести, потому что нет у неё права открыто защищать свои интересы. Это на Западе феминистском приходит женщина и начинает качать права. В Китае это невозможно, ну, и приходится интриговать.

МО: Чем же всё это закончится?

ВМ: Да ничем. Все боятся, что Китай придёт и установит свою власть. Не установит, по определению. Просто потому, что власть в Китае всегда тайная. Вот Европа может прийти в Россию и попробовать установить свою власть, что она и пыталась сделать неоднократно, но не получалось у неё. Это тоже очень важный историософский вопрос, не исторический, а историософский – почему европейская цивилизация, такая привлекательная для России, обламывала в России зубы, когда пыталась военным путём включить Россию в свой круг (Наполеон, Гитлер, и пр., и пр.) А Китай этого совсем не будет делать, ему этого не надо. Он будет ужом идти через чайнатауны и брать своё так, что вы и не заметите, что он всё взял. Хватитесь – нет ни шуб, ни шапок. Всё у китайцев. Как оно и было на Дальнем Востоке, когда впервые проводили социологические опросы. Приходит к уссурийским казакам китаец, втирается в их хозяйство, сначала на правах работника, а через пять лет пишет в местную управу: уберите от меня этого пьяницу, он мне мешает овощи выращивать. И ведь действительно, китаец-то овощи даёт! А что даёт уссурийский казак, если он только пьянствует, а не несёт военную службу? Вот конкретный пример. Через 5 лет китаец будет сидеть в колхозе и овощи свои давать. А где будет русский? Китаец русского даже не заметит, никаких массовых чисток, геноцидов русского народа не будет. Зачем, в этом нет необходимости. Китаец по-другому действует. Короче, я не ожидаю открытой конфронтации, это не в принципах Китая. Дракон действует иначе. Вы и охнуть не успеете, а он вас уже опутал, и вы лежите спокойно, вам дадут бутылку водки и кусок колбасы. Это я так,

для простоты.

МО: А видите ли Вы что-то общее в судьбах Китая и России?

ВМ: Общее есть как раз, именно потому, что эта дистанция между властью и обществом для России очень характерна. Отсюда общность судеб интеллигенции – китайская интеллигенция всегда имитировала русскую, подражала ей. Потому что позиции были очень сходные. Общность судеб, безусловно, была. Конфигурация русской империи и китайской империи имеет очень много общего. Но состав другой всё же. И некоторые моменты я уже назвал. Потому что русская империя ориентировалась на Запад, вообще с русской историей – это особый разговор. Наше евразийское государство есть плод систематического непонимания собственных оснований жизни. Человек может дурить себя всю жизнь по поводу своей идентичности. Он может всю жизнь прожить в палате №6, я ничего необычного в этом не вижу. Это нормальное состояние человека. Обманывать себя мы все горазды, но это есть наша национальная черта. Вы меня спросите – а что же тогда правда, она китайская? Нет, она не китайская, она русская, но она другая. Для этого нужно вообще всё переосмыслить заново. Опять же, у меня есть работы на этот счёт. Но они не вызвали никакого отклика, потому что у нас вся интеллигенция или прозападная, или прозападная в антизападном смысле, то есть «антизапад» на западный манер. Наши консерваторы-патриоты фактически пользуются всем инструментарием западной мысли. Таков есть западный модерн. Модерн есть внутренне противоречивая вещь. Он и либеральный, и революционный, и реакционный одновременно. Это есть его черта, но этого нет на Западе. Китайцы не поддаются, как и вообще восточные люди, этим западным идеологиям. Да, они их берут для собственного употребления. Но, к примеру, западные идеологии разложили Советский Союз, но не разложили Японию, где это свободно продавалось. Китаец не восприимчив к западному року, западным панкам. Вы же видите, на Тайване этого нет. Есть только в базарно-имитационном виде. То есть, это не есть реальный бунт какой-то. Западный нигилизм на китайца не действует. На русского – да, потому что русский всё воспринимает серьёзно.

МО: Как же тогда коммунизм пришёл в Китай?

ВМ: Коммунизм пришёл по историческим обстоятельствам. Это была схватка идеологий, коммунизм оказался наиболее эффективным, да и

товарищ Сталин помог. Тогда был глубочайший кризис традиционной цивилизации, из которого Китай, как и Россия, видимо, не мог выползти иначе. Просто не было никакого подручного средства, и коммунизм оказался наиболее удобным. Он был даже лучше Гоминьдана, потому что национализм всегда проигрывал коммунизму в модернизационные моменты. Почему? По одной простой причине. Национализм – вещь глубоко внутренне противоречивая. Форма у него модернистская, а содержание он в неё пытается «впихнуть» традиционное – какой-то национальный дух, который он берёт из традиций. Но нельзя влить новое вино в старые мехи. А коммунизм – весь новый. Он создает заново весь мир чисто волюнтаристски, делит людей на враждующие классы, и понеслась. Дальше начинается авангардная партия. Он, конечно, стоит на насилии, это верно. Но модерн есть насилие, это торжество насилия. Чистое насилие – это чисто европейское дело. Именно культ насилия, как средство решения внутренних проблем. Вот мой ответ. Но где сейчас коммунизм в Китае, покажите мне? Давно нет его! И брал Китай коммунизм только в той мере, в какой это было необходимо для самоорганизации общества, потому что старое разложилось.

МО: Что разделяет и что сближает Россию и Китай?

ВМ: Сближает конфигурация общая, структурно у нас много общего. Именно потому Россия может создать Желтороссию. Нам надо переиграть Китай в этом стратегическом покере. А именно – Россия должна понять, что она всеместительна и должна дать существовать в себе другой идентичности, как это позволяет Китай. Она должна вместить в своё чрево разные уклады, в том числе идеологические. У нас этого нет. У нас всегда – не на жизнь, а на смерть дубинами, стенка на стенку. В Китае всё иначе, потому что за этим стоит другая социальная конфигурация. Состав другой и душевный, и социальный. Но в русской империи это было – символизм русской империи близок символизму китайской империи. По крайней мере, он даёт какие-то наработки, которые позволяют китайцев вместить – и оторвать их от Китая. Вот что надо требовать. Китаец охотно полезет в Россию, и оторвать будет невозможно. Он любит русских, потому что ему приятно среди них находиться. На личном уровне мы вполне можем ладить, хотя нам и не надо от него взаимопонимания. Нам нужно просто включить его в нашу среду, чтобы он работал на Россию в российской форме. Это как печень – она не имеет для меня самостоятельного значения, но она работает на мой организм. Как сказал французский писатель – лев состоит из съеденного барана, но он же не

баран! Поэтому съездить Китай можно и нужно, тем более что Китай может поделиться народом своим. Да и невозможно сейчас без китайцев развивать Дальний Восток и Сибирь. И это можно сделать при желании, имея какую-то ясную стратегию и самоидентификацию власти. Но у нас её нет. У нас власть распадается на отдельные уровни, и каждый работает на себя. Это наша главная проблема.

Мне хотелось бы договорить на эту тему. Помимо сближений и отдалений, существует практика переговоров. Переговоров торговых, коммерческих и переговоров государственных, дипломатических. Можно было бы поставить вопрос – кто более подготовлен для таких переговоров, кто выигрывает в этих схватках. Должен сказать, я ни разу не видел, чтобы русские одержали победу над китайцами в переговорном процессе. Не знаю ни одного такого случая и буду очень благодарен тому, кто назовёт хотя бы один. Никогда китаец не поступится даже малой толикой своих интересов и сделает всё, чтобы их отстоять до последнего пятака. Тут есть, конечно, психологический момент, потому что в Китае всё в дефиците, надо держаться за своё, кровное, до упора. Русские подсознательно думают, что Россия – большая, богатая страна. Что вам надо? Амур? Да забирайте! Что-то в этом духе. Всё есть у нас, и ещё будет больше. Подсознательно, я имею в виду. Я никого не имею в виду лично, разумеется.

Также и переговоры. В переговорах мы либо теряем терпение (часто), либо надеемся на какую-то моральную сторону, аффект какой-то – да будьте ж людьми, ребята, давайте договоримся по-человечески! Это не действует на Китай, он вообще не понимает, как можно так вести переговоры. Это не наука, не по науке такие переговоры ведутся. Мы придерживаемся сентиментальности человеческой. Китайцы ведь всё получили, что могли. Они точно ставят цель и добиваются своего. Вот, например, получили острова на Амуре и Сунгари. Мне непонятно, как это произошло – объясняют тем, что иначе китайцы не подписали бы договор, а теперь на веки вечные обеспечен нам покой на границах. По-моему, это что-то из области самоубаюкивания. Кто сказал, что «на веки вечные»? И главное, я не понимаю одного – ведь был же остров Даманский, там погибли русские люди, защищая русскую землю. Как можно вообще было сдать этот остров, не подняв даже вопроса на эту тему? Да, там погибли китайцы, считавшие, по каким-то причинам, что это их остров. Русские, по-моему, более обоснованно, считали, что это их остров, но дело даже не в этом. Как можно было это оставить без памяти? Почему никому даже не

пришло в голову – давайте сделаем этот остров демилитаризованной зоной, поставим там общий памятник жертвам этого конфликта – вот вам реальные дружба и сотрудничество между двумя странами, тем более, что этот остров никакого стратегического значения не имеет. Сделать этот остров совместным памятником и показать всему миру, что вот так может быть. Но Китай на это не пошёл, потому что это закрытая страна, он не может вот так «дружить с протянутой рукой». В принципе он не может это делать. Это не в его правилах. Отдайте нам этот остров, и всё. И мы отдаём, забыв о том, что там погибли русские люди, защищая родную землю. Как это может быть? Я до сих пор не понимаю. Но, как бы то ни было, это факт.

Ну хорошо, это я так, к примеру. Японцы – я знал нескольких японских дипломатов в своё время, да и сейчас знаю. Они всё удивляются – как же это китайцам удаётся с русскими договариваться? А у нас – ничего не получается с этими островами, «северными территориями», и так, и эдак... Мы же, говорят, имеем право! Мы правы! (может, они, конечно, и не правы, это другой вопрос. Но они уверены, что правы). А как же китайцы этого добиваются? – Вот как им это объяснить?

- А я понимаю, почему китайцам удаётся, а японцам – нет. И это нас сближает, русских и китайцев – а именно: искать ходы и выходы, обходные манёвры, предупредительность... гибче, товарищи, нужно быть, гибче! Но при этом ломить свою линию, как это делают китайцы. А японец – нет: он счёл, что он прав, и прёт дальше как бульдозер. И, конечно, он не добивается своего. Этим примером я и хотел бы закончить эту тему. Будем её пока что считать исчерпанной.

МО: Тогда давайте начнём другую большую тему, а точнее вернёмся к теме Вашего пути китаиста. Вы можете причислить себя к какой-то школе китаеведения?

ВМ: Я очень благодарен моим учителям – М. В. Крюкову, Э. П. Стужиной. Вот, пожалуй, и всё. Я не говорю сейчас об учителях китайского языка, они были все совершенно замечательные люди. Но всё-таки я думаю, у меня свой путь, и это не только моё мнение, это высказывали и другие люди публично в России, так что... у меня нет какого-то круга единомышленников, я как бы сам по себе. Почему – не знаю, так уж получилось. Жалуются, что я говорю темно. По-моему, я говорю вовсе не темно, надо просто сделать усилие и вчитаться в то, что я

говорю. В любом случае, как могу, так и говорю. А моя проблематика – это моя проблематика, моя правда. И я не могу причислить себя к какому-то определённом направлению. Я просто хочу понять Китай в его духовном состоянии. Принципы духовного состояния Китая – вот что я хочу понять. При этом я отношусь к тем, кто считает, что Китай принципиально не совпадает с Европой. Хотя это можно по-разному трактовать, тезис сам по себе нуждается в корректировке. Есть и на Западе такая полемика, между теми, кто защищает самобытность Китая и теми, кто считает, что принципы буржуазной демократии распространяются на весь мир. Китайцы тоже люди, и нечего тут! Мы тоже так считали в советское время, в 1950-60х – китайцы такие же, как мы. Ну, только кожа немножко желтее, чем у нас. Но товарищи китайцы быстро нас догонят и станут такими же, как мы, маленькими русскими. А вышло-то как-то совсем иначе, и нехорошо как-то получилось! Такие загогулины история дала, что дай боже!

МО: Состоите ли Вы в каких-то научных сообществах?

ВМ: Нет, кажется... не помню. Кажется, не состою, да и не имею желания состоять... в чём смысл? Это что, какие-то ассоциации? Я состою в ассоциации тайцзицюань «Сяньтяньцюань».

МО: Это, наверное, практическое сообщество, не научное.

ВМ: Да! (смеётся) Сообщество из области духовной практики! Что касается научного... я ценю свою индивидуальность. Я вообще думаю, что учёным важна индивидуальность. Хотя, к сожалению, на Востоке, это крайне редко встречается.

МО: Расскажите, что Вы думаете о российском китаеведении в целом, о современном состоянии российского китаеведения.

ВМ: Видите ли, это всё-таки ко многому обязывающее суждение... что касается современного состояния – плохое состояние, мне кажется. Коммерция больно ударила, развал академической науки в постсоветское время... много было плохого в СССР, но академия была одной из тех небольших тихих гаваней, где академическая наука имела своё право на существование. Сейчас оно фактически отрицается современной жизнью, по разным причинам. В основном, конечно, коммерция и капитализм... Какая академическая наука при капитализме – это просто несовместимые

понятия. Поэтому академия утратила свой статус какого-то рупора общественного. Ничего она не определяет, никто на неё даже внимания не обращает. Люди даже не знают, существует она или нет. Что она сделала за последние 10 лет? Её почти не видно и не слышно. Я говорю «почти», так как, конечно, она всё же есть. Просто численно она сократилась, и в обществе интерес к академической науке резко упал. Это не вина академической науки, это просто общая ситуация в мире. Компьютерная цивилизация убивает академическую науку и убивает вообще интерес к истине, как к академическому предмету исследований. К сожалению. Убивает интерес к научному исследованию. Зачем исследовать, когда можно нажать одну кнопку на компьютере, тебе вывалится куча информации, ты склеишь из неё доклад, и получится вроде и неплохо. Я сам это каждый день наблюдаю вокруг себя. Зачем мучиться с какими-то древними источниками? Не нужно, всё уже готово.

МО: Как повлияла на китаеведение эпоха холодной войны?

ВМ: Я уже говорил, что китаеведение у нас было относительно свободным... Но всё же должен сказать, что если сравнить ландшафт сегодняшнего отечественного китаеведения с тем, что было в 1970х, это абсолютно несопоставимые величины. Это другой мир. Если китаиста из 1970х перенести в современный мир и показать ему, что мы делаем, его бы тут же «кондратий» хватил. Потому что он даже понятия не имел бы, что можно заниматься такого рода тематикой. Все эти боевые искусства, всевозможные духовные практики, искусством занимаемся мы не по марксизму... Конечно, тогда был марксизм, тогда были шаблоны, особенно, извините, в литературоведении. Ужасно это всё было, этот учебник ужасный – «Китайская литература» графоманский позднеевский. Была невероятно вульгаризированная марксистская социология, спроецированная на Китай, где каждый факт перевран, ни одного факта правдивого не приведено из истории Китая. История была не лучше, и т.д. Ведь ещё до 1990х вообще не признавались какие-то там боевые искусства, какие-то там «люди рек и озёр» – вообще этого не существовало, отказывали в праве писать на эту тему. Так что, сегодня открыта масса новых тем. Свободы больше для работы. Но, к сожалению, пропадает методика. Методика исследования резко упала сама по себе. Технически, методологически, теоретически, концептуально много, конечно, сдвинулось. Но в целом, как мне кажется, не в лучшую сторону. Потому что чистота и строгость академического исследования почти потеряна, к сожалению. Тут действует рынок, конечно. Тут надо

позабористее высказаться, чтобы заявить о себе. Ведь можно спокойно кричать на каждом углу что-то шарлатанское, и народ потянется. Не буду называть имён, они у всех на слуху. Но и у нас в китаеведении есть люди, которые просто «придуриваются» и ведут себя как шарлатаны, даже если они в целом таковыми не являются. Но себя надо продать, понятное дело. А Академия сидит себе, издаёт непонятные вещи. Институт Дальнего Востока издал «Духовную цивилизацию Китая» – во-первых, название какое-то сомнительное, что это за «духовная цивилизация»? Странно как-то, немножко не по-русски, во всяком случае. «Цивилизация» – и «духовная». Для меня это под большим вопросом. Дали деньги, и вот – 7 томов по 500 страниц – прекрасно. Да ведь в этой горе материала разобраться совершенно невозможно. Если ты не китаист, ты ничего не поймёшь, а если китаист, то тебе это не надо, ты и так знаешь, когда Чжу Си жил, и что он там проповедовал такие-то принципы. Если ты нормальный китаист, ты обязан это знать. Ну, и так далее. Я уже не говорю про ошибки и прочее. То есть, получить связное представление нельзя. Понять по этим книгам Китай абсолютно невозможно. Потому что понимание нам даётся не от того, что вам навалена тысяча фактов, а от того, что мы видим какой-то внутренний порядок в этих фактах. А кто его будет исследовать? Старые методики исчерпали себя, любые классические методики просто устарели, они не годятся для современного мира. Нужно искать новые, а нового нет, потому что нет корпоративности. Люди, которые что-то ищут, могут быть упорно отрицаемы – достаточно просто не говорить об этом человеке. У нас не существует журнала, кроме ПДВ («Проблемы Дальнего Востока»), да и тот не является площадкой для реального обсуждения того, что сейчас может происходить в Китае. Это какое-то сборище десяти пенсионеров, пишущих чёрт знает о чём, понять ничего нельзя, с боку по сосенке. Это всё очень плачевно выглядит, хотя мне не очень приятно это говорить.

МО: А что с зарубежным китаеведением?

ВМ: Ну, оно слишком разнообразно. Зарубежное китаеведение имеет свою школу и традицию, у нас они потеряны. Потому что в американском китаеведении триста человек, а у нас сколько осталось? Может быть, тридцать, от силы? Как считать китаеведов – тех, кто числится по кафедре какого-нибудь востоковедения? Мало ли, кто где числится. А вот реально работающих людей, пишущих, высказывающих какие-то взгляды? Где они? Назовите мне вышедшие в России научные книги о Китае. Их вышло единицы, их нет просто. Да, есть, конечно, великие мужи, но они уже не

пишут ничего. Старое поколение сходит, а где новое – я не знаю. Из новых пишут что-то о боевых искусствах, по-моему, не очень оригинально. Во всяком случае, меня это не удовлетворяет. Зато им надо показать, что они владеют секретами какими-то...

А западное китаеведение – у них есть школа, в Америке всё-таки выдерживается уровень методологии, есть сообщества, которые художественно варятся в своём соку и развиваются. Потому что есть триста университетов, где сидят триста профессоров, грубо говоря, получают неплохие деньги и свободны от того, чтобы мешки грузить где-то на станции, чтобы подработать, или какие-то переводы делать. Они не обязаны заниматься подёнщиной. И, кроме того, есть традиция. Ведь наука, как и демократия, стоит на традициях. Должны существовать какие-то школы. У нас это в значительной мере потеряно в 1990х, какие там традиции!.. Вы знаете, я даже сам однажды пошёл торговать в городе Можайске – я стоял за прилавком, я торговал шубами китайскими. Мне нужны были деньги. А что было делать? Это была зима 1993. Чем только люди не занимались тогда. Сейчас, правда, я так понимаю, деньги есть, хотя в провинции их опять-таки нет. С другой стороны, деньги-то и не нужны, в России говорят – дайте деньги, и мы всё сделаем; дают деньги – и ничего не происходит. То есть, это всё не от денег происходит. За деньгами стоит социальная среда. У нас, к сожалению, всё перевернуто с ног на голову, у нас масса людей, непонятно каким образом занявших те или иные должности и не соответствующих им. Вот, я работал 3 года во Франции, в Париже. Там все люди, которые стоят на руководящих постах, имеют по 5-6 первоклассных монографий. А кто у нас начальство, что оно делало? – непонятно совершенно. Они организаторы науки, они науку организуют! Опять же, я не призываю, чтобы они бежали, задрав штаны, за комсомолом и писали чего-то. Но, тем не менее, какой-то уровень должен быть. У нас я не вижу его.

МО: Где, кроме России, Вам приходилось заниматься наукой или преподавать?

ВМ: Я могу сказать о трёх странах: Америка, Франция и Япония. Там я работал, особенно во Франции. Но везде это имеет свой национальный колорит, безусловно. Что такое японское китаеведение? Это непереводаемо, нетранслируемо в другие страны. Как и вообще всё японское. Во Франции свои традиции, но там они считают, что идут впереди планеты всей и свысока смотрят на американцев. Это, мол, лишь

у них, у французов, настоящая философия и настоящее китаеведение. Это хорошо, надо гордиться собой и своими школами. Если что-то там есть, это то, что талантливому человеку, как в Америке, дают ход. Не знаю насчёт Японии, но, насколько я могу судить, точно так же. В Америке, если вы хотите заниматься наукой, в любом университете вы можете получить грант, едете и проводите исследование. Это очень важно, если вам 25-30 лет. Я, например, не имел такой возможности вообще. Более того, жизнь моя так сложилась, что я не состоял ни в аспирантуре, ни в докторантуре. Я всегда работал, пахал с утра до вечера, и я был соискатель. Всё, что я написал тогда, было по ночам писано, между работой и всякой другой подёнщиной. А уж поехать куда-то, чтобы мне деньги дали на проведение научного исследования – да я был бы счастлив! В 28 лет я так любил антропологию, я бы поехал в китайскую деревню, я бы там горы свернул, если бы мне дали возможность. Но не было такой возможности. А когда, при Горбачёве уже, пошло дело это, я мог поехать в Японию, заниматься исследованиями в Японии по гранту «Тойоты» – мне отказали! Сказали: «Как же так, вы поедете на деньги японских капиталистов?» Мне было прямо сказано, откровенно, в соответствующих структурах и инстанциях. Хотя я был членом партии, конформистом полным. Но советскому учёному негоже работать на деньги «Тойоты». А своих нет, свои все проели. Ну, вот, сидите в Москве, ничего страшного!

МО: Давайте вернёмся к научным истокам. Хочу задать Вам два вопроса, объединённые в один. Какую научную тему Вы исследуете в настоящий момент, и какую научную тему Вы считаете главной для себя лично?

ВМ: Очень приятный вопрос для любого пишущего человека. Как отлично выразился Розанов: «Сам-то я бездарен, а вот тема моя очень талантлива». Он, конечно, кокетничал немного, это был гениальный писатель. Тема моя невероятно талантливая, и я бы сказал. Я бы назвал её совсем просто: «Китайская мудрость». Вот и всё. Что таится в самой глубине китайской души, каким образом китайцы отвечают на эти фундаментальные вопросы жизни – смысл жизни, зачем человек живёт, как он должен жить – вот так. Ни больше, ни меньше. Как говорил Ницше (если уж я тут начал цитировать, уже не остановлюсь!): «Писатель – это человек, который даёт невыполнимые обещания». Вот это невыполнимое обещание позволяет нам, в общем, жить в полном смысле этого ёмкого слова. Человек должен иметь что-то недостижимое в себе, должен ставить перед собой недостижимые цели, и только тогда он будет подлинно

человечен. И третья цитата – они мне уже приходят в голову сами по себе, – это очень сильно изменённая, но очень правильно сказанная фраза из Конфуция: «Человек станет подлинно человечен лишь тогда, когда он совершит самое трудное в своей жизни». Вот, что есть самое трудное в нашей жизни? Я ищу самое трудное, я не ищу лёгкого. Мой девиз, который я часто говорю студентам и, думаю, они его теперь крепко запомнили – чем труднее, тем интереснее. И нечего бояться трудностей в этом смысле. Может, это чисто русская самонадеянность такая. Но, во всяком случае, я стараюсь не мелочиться (смеётся). «Если делать, то побольшему», как писала «Комсомольская правда» перед одним из съездов КПСС. Это по поводу моей темы. А как она повернётся, эта тема, через какую мысль, через какую загогулину, через какую тему, это уже дело десятое. Поэтому получается так, что я параллельно пишу совершенно на разные темы. И, более того, последние годы у меня как-то так развились и жанрово разные вещи. С одной стороны, я делаю переводы и комментарии к переводам, исследование этих переводов. А с другой – я пишу публицистические вещи. Это очень разные жанры, но они перекликаются в пространстве моей души, так сказать. Это просто факт того, что происходит, потому что последние изданные мной книги – это «Даодэцзин» – перевод со всевозможными там [комментариями]. Думаю, что я, наконец, почти досконально его [описал]. Я, конечно, мог бы и в два раза больше написать, но всё же думаю, что надо читателей и пожалеть где-то. Но основные вещи всё-таки сказаны. А меньше сказать нельзя, на мой взгляд, для того чтобы серьёзно говорить о «Даодэцзине». Теперь мной подготовлены новые переводы военных канонов, и одновременно – самая последняя книга, которая не пойдёт в продажу практически. Это сборник моих публицистических эссе, в основном из «Русского журнала», под названием «Средоточия». Книга издана и находится сейчас в Москве, но пока я никак ею не распоряжаюсь. Скоро я поеду в Россию, и мы разберёмся каким-то образом с этой книгой. Тираж очень маленький. Вот такие дела. Ну, и дальше у меня есть книга путевых заметок, над которой я работаю сейчас. Путевые заметки – очень хороший для меня жанр. Он мне очень нравится, и у меня набралась большая книга моих заметок, в основном о Востоке. Хочу изложить мою «философию путешествности».

МО: Напомню, что Вы часто представляли свои путевые заметки в передачах «Всемирный Чайнатаун» Международного радио Тайваня...

ВМ: Да, но в последнее время я больше разбираюсь с путевыми

заметками Германа фон Кайзерлинга. Это классика этого жанра, во многом повлиявшая на меня. Я свои заметки называю метафизическими путевыми заметками. Я отбираю только те впечатления, которые кристаллизировались в мысли-чувства, которые представляют собой некие «кристаллы народного быта» и народной души, народного духа. Дух, душа, быт в этих кристаллах есть. И я хочу видеть, или даже, если угодно, выявить в этой жизни, в жизни восточного народа вот эти кристаллы души. Мне интересно это сделать – не просто описать, где я был, что я ел, и что я видел – всё подряд. А сделать такой метафизический жанр. Это интересно – как отсеять и вывести эту матрицу нашего восприятия мира – не просто моего субъективного. Там как раз моего «я» совсем нет. Вот, это интересная вещь! Оно ведь всегда нивелируется в этом смысле: мы переходим в мир, а мир переходит в нас. Думаю, что задача реального духовного писателя должна быть такая, какая ещё-то? Рассказать о себе любимом? Кому это интересно?

МО: А вот нам как раз очень интересно. Расскажите о Вашем опыте исследований, процессе их организации, включая выбор темы, постановку проблемы, поиск материалов...

ВМ: В молодости я придерживался принципа достаточности охвата темы. Я всегда старался брать крупные темы, это мой бич, а потом долго в них барахтался. Разумеется, пока какая-нибудь волна не выносила меня случайно на берег. Человек должен брать тему, дающую ему достаточные основания для знания об истории, об этом обществе, об этой культуре. Поэтому он не может мельчить, это первое. Второе – он обязательно должен идти через свои впечатления, через свои прозрения. Я работаю на интуиции, которую я методически затем прорабатываю. Правда, что значит – интуиция? Я же очень люблю читать книги, и думаю, что я не менее эрудирован, чем, извините за такую нескромность, может быть, любой другой китаист в России. Уж точно книжек я прочитал немало, это 100%. Да и написал тоже. Короче, вот это и есть принцип моей работы. А главное, чтобы было интересно. Как говорила в своё время Зинаида Гиппиус – «А он интересуется интересным?» – когда она спрашивала, стоит ли встречаться с человеком или нет. Вот, я и стараюсь «интересоваться интересным». Я почти никогда не писал на заказ. Какие-то справки, доклады – ни разу в жизни не писал. Я органически не могу писать эти писульки, аналитические обзоры и так далее. Почти не писал. А если начну писать, то там все за голову хватаются. Потому что я не могу не работать со словом. Слово – это наша жизнь, наше дыхание, **я не**

верю в позитивистскую науку. Как обо мне говорил Феликс Белелюбский (не знаю, жив он или нет сейчас, с тех пор прошло много-много времени. Это был 1974, и он представлял меня какому-то другому китаисту): вот Володя Малявин, поэт-китаист. (прим.: Ф. Б. Белелюбский скончался в 2004 – М.О.) Мне было тогда 23 года. На что я отвечал – да, поэт серых будней! Никакой я, конечно, не поэт и не брюнэт, а «поэт я серых будней». За этим должна стоять огромная работа! Я, вот, смотрю на свои ранние работы, за ними ужасно много исторического, работы именно архивного историка. Я действительно написал две-три книги, где это действительно образцово-исторические исследования. По полной программе огрѐб работы с источниками и прочими делами. Сейчас этого нет, к сожалению. Сейчас все спешат к выводам быстренько и, к сожалению, начинка академическая вынута. А ведь, казалось бы, мелочь, а приятно! И видно это, легковесные дела или солидное исследование, которое не обязательно должно быть скучным, оно должно иметь интересные выводы. Но, в итоге, как и Розанов, приходишь к возможности писать мелкие эссе, на три-четыре страницы. Я последние 5-6 лет много писал в таком жанре. Мне было интересно – как сформулировать то, до чего я допѐр, вот в таком эссеистичном ключе. Мне тоже это близко. Таких китаистов, наверное, у нас тоже [нет], я не знаю других таких. Был один такой, мне даже неудобно себя с ним сравнивать – Василий Михайлович Алексеев, наш великий китаевед. Правда, я тоже мог бы его покритиковать, но в другой раз как-нибудь. Он слишком субъективен, с одной стороны. И слишком полагается на китайскую науку, с другой. Здесь надо всё же помягче, не так радикально, как он. Считается, что Алексеев точно передал дух Китая. Не дух Китая он передал, хотя он схватил очень верно стилистические эти вещи. Он свой дух передал, конечно. Но он просто очень талантливый писатель. Такие редко бывают, и он смог это сделать. Писатель, ведь, выдаѐт свой мир за мир другого человека и убеждает в этом читателя, в этом его талант и состоит.

МО: Как и где публикуются Ваши исследования?

ВМ: Последние годы, если брать мелкие произведения, в основном это был «Русский журнал». Сейчас я туда не пишу, и не брезгую газетами, знаете ли. Всякие мелкие журналы попадались под руку, и т. д. А работы – последний раз большие серии были в АСТ. Но я уже давно там не издаюсь. Некоторое время вообще мало что выходило. Последнее время я даже сам, на свои средства стал издаваться. Последнюю книгу,

«Средоточия», я издал небольшим тиражом на свои деньги. Просто потому что я устал от этих издательств, с ними очень трудно иметь дело, честно говоря! Но думаю, что я вернусь к изданию. Я создам своё издательство, потому что просто уже не в состоянии выяснять отношения с господами издателями.

МО: У нас как раз есть вопрос об источниках финансирования Вашей исследовательской деятельности...

ВМ: Ну, вот, частично я уже сказал. Свои кровные, на которые я издавал книги. Несколько раз я получал средства – грантами это не назовёшь, гранты я получал на Тайване. В России я не имею права получать гранты, между прочим. Там и рады были бы мне дать, но я живу больше трёх месяцев за пределами России. Значит, я как бы уже не русский человек. Мне непонятна эта логика, честно говоря! Я что – не русский? Не по-русски пишу я, что ли? И так далее. У меня российский паспорт, я пишу по-русски для русского читателя. Почему я не имею права получать гранты от российского правительства, логически мне в голову это не входит, честно говоря. И таких правил нет, конечно, в других странах.

МО: Мы до сих пор не коснулись ещё одной важной вехи в Вашей биографии. Расскажите, пожалуйста, как Вы оказались на Тайване?

ВМ: На Тайване я оказался случайно, как всё бывает судьбоносное в нашей жизни. Я совершенно случайно встретил товарища по университету в аэропорту, где он провожал свою дочь в Англию, а я – свою. Мы разговорились, а он работал тогда здесь, на Тайване. И предложил мне поехать на Тайвань. Я подал документы и здесь оказался.

МО: Вы сразу поехали в Тамканский университет?

ВМ: Да, он работал в Тамканском университете, и оказалась вакансия в Тамканском университете. Тогда это было ещё возможно. Сейчас на Тайване своих докторов [наук] довольно много, а тогда их не хватало. И не было специалиста, который мог бы по-китайски объяснять тайваньцам, что есть русская культура, цивилизация и религия вместе взятые. Не было таких людей. А если кто был, тот учился в Америке, и по-русски вообще не умел говорить, и не знал, где Россия находится. На карте не мог бы её показать, но зато был при этом экспертом по России. Это тоже момент.

МО: Вы ведёте научные проекты в Тамканском университете?

ВМ: Проекты я не веду, потому что я сейчас отошёл почти от всех дел. Я читаю курс лекций, веду занятия, у меня масса магистрантов. Надо сказать, веду очень большую преподавательскую работу. Поэтому свободного времени очень мало. А остальное свободное время уходит на занятия тайцзицюань, занятия даосскими делами и «писанину», естественно. Ну и радио, разумеется, куда же без радио?!

МО: А есть ли у Вас ученики?

ВМ: Я никого не мог бы назвать своим учеником, так уж получилось. Это тоже ведь, знаете, судьба. Так уж вышло. Видимо, во мне есть что-то, что не позволяет наладить эти ученическо-учительские отношения. Но и я не являюсь чьим-то учеником тоже.

МО: Большая ли разница преподавания в России и других странах? Сильно ли студенты отличаются?

ВМ: Есть, конечно, национальная специфика. В тайваньских студентах много хорошего: они уважают учителя, они любят учиться, серьёзно относятся к учению. К сожалению, компьютерная культура убивает и это понемногу. Она делает людей равнодушными к истине, к академическому исследованию. Зачем его исследовать, когда и так всё ясно? – согласитесь. Если вам говорят, что история – миф, и она только даётся нам в изложенном виде в каких-то книгах, зачем её изучать? Сочинил – и, привет! Что и происходит. Возьмите нашу историю, что происходит в России: Сталин – хороший или плохой? Разве это имеет отношение к истории? – Нет, конечно. Это относится к каким-то идеологическим разборкам, в которые затягивают Сталина. Хотя я понимаю, что хотят сказать и те, и другие люди. Но это говорится не аутентичным языком, на мой взгляд. На Тайване тоже есть такие же вещи. Но всё же отношение более серьёзно, потому что тут нет такого нигилизма, как на Западе. Вернее, есть, но уже так встроен в быт, что он уже как бы и не нигилизм. А вот китаец, думая, что мир – иллюзия, будет спокойно тачать поддельные кроссовки. И ведь, как ни странно, именно понимая, что мир – иллюзия, можно обрести душевный покой. Интересно, мы это поймём когда-нибудь или нет? Русский человек, как и я, в том числе, одержим поиском правды. Но и тут есть своя [сложность] – правда в том, что нет правды. Правда – иллюзия. Китаец это нормально воспринимает, а

европеец не может это воспринять. Я думаю, он сойдёт с ума, как Ницше, или сопьётся сразу. По моим наблюдениям. Это тоже интересная вещь.

МО: Что Вы преподаёте тайваньским студентам?

ВМ: Массу всего. Историю религий, сравнительное изучение цивилизаций, культурологические темы, общественную мысль, даже переводы всякие мы с ними делаем. Я преподаю и русский язык, в особых видах. Например, устный перевод или просто перевод, потому что нужен кто-то, кто может проконтролировать их перевод и разбираться там в этих тонкостях перевода. Что ещё? То, что относится к истории русской культуры в разных видах. Современное состояние России, Россия и глобальный мир, глобализация и Россия. Вот, такие темы мы с ними разбираем. Но они, конечно, вписываются в понятия цивилизационного развития, модели цивилизации и т.д.

МО: Участвуете ли Вы в научных мероприятиях?

ВМ: Конечно, участвую. Во-первых, я просто обязан участвовать, как преподаватель. Конференций у нас пруд пруди здесь, на Тайване. Вот, вчера просидел целый день с девяти до шести. Много докладов я пишу, штук пятнадцать в год точно. Это ведь тоже надо написать, между прочим. Так что, здесь довольно бурно всё. Ну, и за границу тоже выезжаю, на международные конференции в Японии, в Европе.

МО: Как Вы оцениваете научную жизнь на Тайване?

ВМ: Она тоже имеет национальную специфику, протекает в национально-специфичной среде, которую европеец, например, может и не воспринимать как научную. Потому что то, что понимают под наукой на Тайване, не обязательно соответствует тому в Америке или в Европе. Хотя тайваньцы получают образование в Америке и старательно подражают западной науке. Они выезжают, например, в Германию, пишут там диссертации философские – это довольно занятные произведения. Представьте себе человека, который аккуратно воспроизводит принятые там правила и порядки. Такие же есть русские диссертации. Каждый, ведь, может научиться. Вы поедете в Папуасию, будете писать папуасские диссертации. Тоже ведь научитесь писать. Есть ли тут научная жизнь? Опять-таки, я не берусь судить, что есть научная жизнь, а что нет.

МО: Есть Дао!

ВМ: Дао есть точно! Без Дао мы, товарищи, никуда! (смеётся). Есть интересные учёные, есть Академия. Кстати, там очень сильные учёные работают. Но всё это микшируется под определённый восточный лад, всё очень благочинно, церемонно, как полагается, всё очень мило. Такой междусобойчик очень хороший, никаких споров не бывает, дискуссий не бывает, и быть не может. Это вам не Россия, где, грубо говоря, все обязательно должны друг друга брать за грудки и доказывать, что собеседник – невежда и тупица. И только я знаю, как там было всё на самом деле! Здесь этого нет. Но я и не особо интересуюсь. Я уже сказал, что меня академическая наука в таком виде не интересует. Я слежу, я читаю книги, которые выходят, читаю очень много тайваньских авторов, но пишу своё. Я не особо влезаю в эту научную среду.

МО: Какие Ваши самые большие достижения и самые большие разочарования как учёного-синолога?

ВМ: Что касается достижений, я думаю, они состоят в том, что я смог выработать определённый целостный взгляд на китайскую культуру и китайскую цивилизацию. Именно целостный, который я сумел художественно развернуть и показать на примере различных сторон китайской жизни, китайского уклада – и религии, и искусства, и истории, и философии, и литературы отчасти, и т.д. Мне кажется, поскольку знание всегда цельно, мы знаем нечто только как целое. Этот мой взгляд не только имеет право на существование, но и будет в дальнейшем оказывать воздействие на развитие знаний о Китае и понимания Китая, как мне кажется. Потому что я уже так расположился на всех частях китайского мира, что объехать меня будет нелегко. Хотя я не могу сказать, что мои взгляды привлекли такое уж пристальное внимание профессиональных китаеведов, которых, надо признать объективно, становится всё меньше и меньше в России. Может, оттого, что это несколько непривычно, необычно – не знаю. Мне трудно это объяснить, но я не встречаю большого понимания среди профессиональных китаеведов. Не хочу сказать, что я не встречаю никакого понимания. Напротив, по-моему, почти все относятся ко мне с уважением. Но какого-то содержательного обсуждения того, чего я пишу, я не наблюдаю в профессиональной литературе. И мне трудно понять, чем это объясняется. Это обычная реакция любого человека, который что-то там натворил – я имею в виду, «творить» в высоком смысле слова, конечно. Художника, или учёного,

или писателя, который пишет для того, чтобы сделанное им стало публичным достоянием. Заметьте, пожалуйста, что, ведь, творчество нам не принадлежит, творчество находится где-то на грани нашей жизни. И оно тогда приносит нам удовлетворение, когда мы точно знаем, что оно получило какое-то самостоятельное и даже публичное существование, сотворённое нами. Именно поэтому творчество связано и с традицией – ну, может быть, традиции у нас не те – трудно мне сказать. При этом я не могу сказать, что совсем меня уж не замечают. Есть авторы, которые пишут в моём ключе. Правда, редко ссылаются на меня. Ничего страшного. Я тоже не вижу в этом ничего дурного. Я человек скромный и не претендую, чтобы ставить на моих мыслях печать собственности. Это подтвердят все, кто меня знает. Так что, не могу сказать, что мои мысли совсем никому не понятны. Но меня многие считают «тёмным» человеком, уж больно мудрёно пишушим. Я же не вижу ничего мудрёного в том, что пишу. Всё очень прозрачно, по-моему... Но, видимо, есть во мне «загогулины» мысли, которые с трудом перевариваются людьми и начальством, в частности. Начальство всегда требует чего-то попонятнее. Но тоже, ничего страшного – то, что я сделал, я сделал. Думаю, время покажет кто что сделал. Как обычно, история рассудит вклад каждого в историю этого самого китаеведения. Вот примерно моё представление о моих скромных трудах в этой области.

МО: Над чем Вы сейчас работаете?

ВМ: Ох, слишком много всего. Я развил в себе дурную привычку – так не надо делать, я никому это не советую! – работать одновременно над несколькими проектами. Просто потому что жизнь так повернулась. Я настолько свободен внутренне, что, не закончив одного, могу спокойно перейти к другому. Я ведь работаю, как раньше говорили, по зову сердца, а не по каким-то там планам или, тем более, денежным каким-то делам. Хотя всякое бывает, конечно. Итак, что я делаю? Сейчас мне нужно закончить, с одной стороны, книгу моих путевых заметок. Но работа постоянно откладывается, потому что зимой, например, вклинилось предложение собрать из того, что я написал, книгу о понятии пространства в китайской цивилизации. На самом деле, это сборник работ, выпущенных раньше. Но пришлось много работать над этой книгой. Я написал совершенно новый вводный очерк, с новым толкованием понятия пространства. Сейчас это закончено. Книга иллюстрированная, отнимает много времени подбор иллюстраций, и вообще работа с издательствами ужасная – когда находишься здесь [на

Тайване] и не имеешь возможности лично всё контролировать. Часто это приводит к плачевным результатам, издательская эта деятельность. Но что делать, по-другому уже не получается!

Итак, путевые заметки и на очереди, конечно, работа над даосскими канонами. Буду продолжать [этим заниматься], недавно я закончил новый перевод военных канонов. Мне хотелось бы продолжить и заново сделать перевод некоторых классических сочинений, даже и «Чжуан-цзы». Издать несколько, может быть, 2-3-4 книги переводов даосских классических сочинений разного свойства, создать такую серию даосскую. Потому что я работаю над этим и думаю, мне есть, что сказать. Но всё это происходит на фоне написания массы мелких текстов, и времени свободного крайне мало. Так что это тоже большая проблема.

МО: Вернёмся к китаеведению в целом. Как влияли на китаеведение различные эпохи новой и новейшей истории?

ВМ: Разумеется, они оказывают самое прямое [влияние]. Они везде оказывают, не только [на китаеведение]. А уж в России-то тем более, само собой разумеется. Эпохи развития китаеведения очень чётко совпадают с периодами отношений России с Китаем. До 1949 у нас китаеведение реально исчислялось лишь несколькими людьми. Это, допустим, Алексеев, Колоколов, Яхонтов – буквально несколько человек. После 1949 открылись востоковедные, китаеведные ВУЗы, институты Академии Наук, пошла большая дружба у нас, все бросились изучать Китай. Это были 1950е. Кстати, сегодня старшее поколение китаеведов как раз и представляет это поколение. Что можно сказать о них? Это совершенно цельное, я бы сказал, поколение. Оно имеет свой стиль и своё легко узнаваемое лицо. И оно, безусловно, составило очень важную и где-то яркую страницу развития знаний о Китае и России. Разумеется, в соответствующей идеологической и политической упаковке, другой быть не могло. К сожалению, эту упаковку они так и не смогли с себя сбросить и до сих пор пишут про какие-то «феодалные угнетения» в Китае и прочее и прочее. Не буду называть имён – люди, хорошо знающие китайский язык, блестяще знающие китайскую литературу, но по-другому просто писать не могут, так уже голова поставлена. Ничего страшного, естественно. Это же школа, эпоха! Это в любой науке так, возьмите хоть Англию, хоть Францию, хоть Германию. А следующее поколение началось со времён Культурной революции, с 1970х, когда китаеведы, как я уже сказал, получили относительную свободу работы. Поскольку

правительство не знало, как надо вести себя по отношению к Китаю, то была дана относительная свобода мнений, свобода высказываний о том, что есть Китай, и как с ним надо бороться.

МО: При этом в полной оторванности от Китая...

ВМ: Да, конечно. Но для академической науки это не было большим минусом, ситуация сама по себе была неплохой. Тогда начали развиваться разные направления, появились разные точки зрения на Китай. Были очень оживлённые дискуссии. Была, как я уже рассказывал, очень интересная конференция «Общество и государство в Китае», которая как раз после развала Советского Союза, по-моему, окончательно захирела и стала прибежищем совершенно непонятных личностей, приезжающих из провинциальных городов и делающих доклады на лично мне непонятные темы. А профессиональные китаеведы куда-то разбрелись, в разные стороны... Ну, неважно. Значит – вот второе поколение. Ну и, наконец, постсоветское, когда уже «мели, Емеля, твоя неделя». Каждый, кто прожил 2-3 месяца в Китае, мог выйти и сказать, что он китаевед и высказываться запросто обо всех вопросах, в которых он считал себя знатоком. В последнее время ситуация эта немножко устаканилась, но я просто плохо слежу. Это не значит, что ситуация кардинальным образом поменялось, но существует школа, разумеется, существуют отдельные яркие личности... Школа в ИСАА, наверно, осталась, мне так кажется. Во всяком случае, у нас была крепкая очень школа, и в лингвистическом, и в историческом виде. Есть такая школа и в Петербурге. Кстати, у нас всегда было соперничество с Петербургом. Петербуржцы, конечно, считали нас какими-то «пройдохами», «вертопрахами», которые не хотят заниматься серьёзной академической наукой, и так далее. А сами они понимали науку как зубодробительный перевод всех китайских памятников, который читать нельзя по-русски. Ну, зато это так вырублено глыбами и на века – вот такая [школа]. Петербургское востоковедение имело международную известность как центр дуньхуановедения. Ведь у нас большой фонд дуньхуанских материалов, имеющий международное значение. Когда он издавался, внимание всей китаеведной общественности было крепко привязано к Петербургу. В Петербурге были и другие интересные архивы. До сих пор не разобран огромный этнографический архив по Китаю в Этнографическом институте, в Кунсткамере, музее Петра Великого. Там огромное собрание совершенно уникальных вещей, собранных русскими в конце 19 – начале 20 вв. Только частично всё это разобрано, кое-что выбрано оттуда, «вытащено», наиболее уникальные вещи какие-то. Вот об

этом я тоже хотел бы напомнить.

А сейчас – многое ведь зависит от финансирования. Академия практически не в состоянии что-то издавать, или почти не в состоянии – как мне кажется. Многое зависит от того, чего хотят издать наши денежные мешки. Должен сказать, что и ваш покорный слуга в таких ситуациях время от времени оказывается. Это нормально, мне кажется. Ведь, во всём мире это есть. Другое дело, что в России это неупорядочено, нерегламентировано, нет возможности вообще создавать благотворительные фонды, научные фонды, потому что это вопрос налогообложения и т.д. Всё это у нас, к сожалению, находится в очень неразвитом состоянии. И мы сильно проигрываем Западу в капиталистических отношениях, влияющих на науку. И, конечно, проигрываем Китаю. Надо просто знать современное положение Китая, когда огромные деньжищи выделяются на невероятную кучу научных институтов, на исследования, в том числе и России. Неважно, как они это всё исследуют – как могут, исследуют. Но деньги и количество народу совершенно несопоставимое в Китае с тем, что у нас делается усилиями энтузиастов-одиночек.

МО: Пограничные конфликты между СССР и КНР – как они повлияли на развитие китаеведения?

ВМ: Ну, я не думаю, что конфликты могли так уж сильно повлиять [на китаеведение]. Они повлияли скорее на общественное мнение, но они отрезвили, на какое-то время. Потом старшее поколение всё равно вернулось к пионерскому восхвалению Китая, это у них вбито в подкорке. Даже сейчас они всё выступают за дружбу, сотрудничество с Китаем, и никаких гвоздей. Только так, и никак иначе – супротив Америки. Тут уже ничего сделать невозможно. Это вбито с пионерского возраста, и уже с этого пути они не свернут. Я стараюсь смотреть на это дело объективно, хотя я не испытываю большой симпатии к Америке, несмотря на то что дети мои там живут – так получилось. Но за такую безоглядную дружбу с Китаем я тоже нигде и никогда не выступал. Да и зачем она нужна, мы уже об этом говорили. Давайте дружить взвешенно, так, чтобы каждый знал, что ему надо от этой дружбы, и что он может получить. Русский человек щедрый, добрый – бери всё, ничего не жалко. Китайский человек, конечно, возьмёт, и ещё попросит, и спасибо не скажет.

МО: Иными словами, Россия не вынесла никаких уроков из пограничных конфликтов.

ВМ: Не вынесла. А когда и где выносили уроки истории? Единственный урок истории, как говорил Гегель, состоит в том, что история ничему не учит. Так что, ожидать каких-то уроков было бы нелепо, тем более от практиков, мидовцев там, или разработчиков стратегий, которые просто руководствуются сиюминутными соображениями, причём часто личного свойства. Но так и везде в значительной мере.

МО: Иными словами, главное для нас – не внешняя политика, она мало оказывает влияния на академическую науку?

ВМ: Должна мало оказывать. К сожалению, у нас с советских времён повелось рассматривать науку как разновидность политической журналистики, отчего у нас было огромное количество китаистов, вообще не читавших ни одной научной книги, но зато пишущих на какие-то идеологические темы. Это в советское время было очень распространено. Эта грань вообще стёрта была в советское время, а она должна быть, по моему. Существует большая разница между публицистикой, журналистикой и академической наукой. И надо её соблюдать, господа хорошие! К сожалению, этого не происходит, потому что слишком много людей, заинтересованных в том, чтобы эту грань не соблюдать. А я хочу отстаивать корпоративную чистоту академической науки, хотя сам и не работаю в Академии. Профессионализм – это наше последнее убежище. Без профессионализма нам – труба, в том числе и в отношении Китая. Вот это надо иметь в виду. К сожалению, у нас слишком много непрофессионалов, которые лезут со своими рассуждениями о Китае. Они имеют право, конечно. Но, знаете, у нас вообще самозахват происходит публичного пространства. Возьмите медиа: они же все почти делаются непрофессиональными людьми для непрофессионалов, для обывателя простого, и как бы обе стороны довольны. Так что это одна из постоянных проблем современной жизни – падение уровня научного исследования, серьёзности исследования, подмена исследования публицистическими декларациями.

МО: Принимали ли Вы участие в переводах китайских письменных памятников? На самом деле, уже много было сказано по этому поводу...

ВМ: [Вопрос] звучит просто как из какой-то анкеты советских времён (смеётся) – «находились ли вы на оккупированной территории»? Принимали ли вы участие, состояли ли членом, и так далее. Я готов

ответить, мне скрывать нечего перед народом. Принимал, да. И не раз.

Я очень люблю переводить. Я вообще считаю, что для китаиста перевод – очень важная вещь, потому что к новому пониманию надо перейти через новое осмысление текста. По-другому не бывает. Я имею в виду понимание Китая, китайской мысли. У меня даже была серия такая. По-моему, она в АСТ выходила: «Китайская классика: новые переводы, новый взгляд». Новый взгляд, вырастающий из того, что текст переводят по-новому. Мне хочется «пролезть» вот в эту глубину китайского текста, это одна из моих постоянных если не тем, то интересов, стимулов в моей работе китаевода. Я вообще не мыслю – ещё раз хочу сказать – китаеведческую работу без работы с текстом. Понятно, что так должно быть, но, к сожалению, сейчас это бывает всё реже и реже. Зачем возиться с текстом, когда и так всё понятно, верно?

МО: Когда есть гугл-переводчик...

ВМ: Да даже этот не нужен. Всё и так ясно, товарищи. Подумал для себя, решил и написал, чего там смотреть.

МО: Но всё же расскажите о Вашем опыте...

ВМ: Ну, я это говорю об общих вещах. Причём, хочется продраться за собственно семантику текста, в глубину опыта, который этот текст породил. Вот это меня больше всего интересует. Потому что многие учёные, особенно в Китае, ограничиваются просто разбором иероглифики, а также предложениями о том, какой иероглиф куда перенести, заменить на другой и т.д. Всё это, конечно, неплохо, но это некоторая подмена главной цели средствами и напоминает игру в бирюльки, очень популярную среди китайских учёных. Потому что так они показывают свою учёность. В каждой стране свою учёность показывают по-разному. У нас показывают учёность ссылками на немцев, французскими выражениями или латынью, которую вставляют в текст. Во Франции никакой латынью не удивишь никого, а у нас удивишь. Короче, у каждого свои понятия учёности. Я хочу выйти на опыт, глубину, на бездну этого смысла, пропасть, как я её называю... у меня даже была одна статья неопубликованная, «Перед пропастью смысла», который всё-таки идёт за иероглифами. Вот мой перевод «Даодэцзина» последний – это опыт такого рода работы, который, смею надеяться, представляет нам этот великий памятник китайской мысли в совершенно новом виде. Так

мне кажется. Ну, не совершенно, но по-новому, это точно. Причем этот вид обязательный для того, чтобы его принять, потому что он идёт из семантики, замешанной на экзистенциальном опыте. Тут трудно спорить, когда сдвоенным таким ударом, дуплет такой, знаете ли, обрушивается на читателя. Это несколько иначе, чем раньше делали. Раньше делали по-другому – давали марксистское предисловие какое-нибудь к китайскому тексту, потом худо-бедно переводили, как бог на душу положит, и хорош. Так же поступали и с «Даодэцином». Я хочу, чтобы органически выросло исследование из перевода. Короче, что ж я тут напереводил? Довольно много всего, знаете ли. Есть вещи и интересные. Это, прежде всего, даосские каноны – Чжуан-цзы, Лао-цзы, Ле-цзы, Гуань Инь-цзы и многие другие даосские сочинения. Это одна сторона медали. Военные каноны – «Суньцзы», «Суньцзы бин фа». И многие другие сочинения на тему военно-стратегической мысли, выходили целые тома. Это следующий пункт. Далее, сочинения, касающиеся менеджмента, управления, политической мысли и даже дипломатическо-стратегической мысли, такие как «Гуй Гу-цзы», очень трудный для перевода памятник, потому что автор его пытался высказать языком стандартным вещи нестандартные. Но у меня, как у переводчика, есть свой девиз: чем труднее, тем интереснее. Хорошо. Есть и такое направление.

Дальше – литературно-философские вещи, афоризмы – это мой любимый тоже жанр, в особенности «Вкус корней» так называемый. Думаю, это просто лучшая книга о Китае. И когда меня спрашивают, а что вы советуете прочитать, чтобы лучше, или даже сразу понять Китай (у нас ведь сразу всё хотят понять!) – я всегда советую читать эту книгу. Потому что такое концентрированное выражение китайского духа редко где можно ещё найти. И у нас, и в самом Китае до 1988 не издавалась эта книга, потому что она религиозной считалась и находилась под запретом. Я первый свой перевод делал с японского издания. А вот японцы её изучают везде – на бизнес-семинарах это настольная книга любого японского бизнесмена, между прочим. Потому что для бизнесмена на Востоке главное – нравственность и этика, а всё остальное прилагается. Есть и другие переводы, например, «Прозрачные тени снов», очень интересный, более эстетический [перевод]. Здесь мы уже переходим к другому направлению – искусство. Целая книга у меня есть переводов произведений о живописи, каллиграфии и так далее – тоже довольно много я перевёл на эту тему, и тоже считаю её совершенно необходимой для того, чтобы увидеть китайскую цивилизацию в её цельности. Баловался и романами, и повестями, по молодости лет, и даже стихи

переводил. Жуань Цзи – это был мой первый и последний опыт перевода древней китайской лирики. Не думаю, что это было хуже, чем что-либо другое, но это просто не моё. А из литературы я перевёл, и очень горжусь этим, романчик такой экспериментальный 17 века. Дун Юэ – был такой автор, совершенно невероятный, оригинальнейший человек. [Его роман] в русском переводе называется «Новые приключения царя обезьян», а по-китайски, буквально – «Дополнение к роману “Путешествие на запад”».

МО: Трудно поверить, но мне попал в руки этот перевод в сборнике, кажется, когда я ещё училась в школе и увлекалась китайской литературой. И только что я поняла, что это был Ваш перевод!

ВМ: Да-да, мой! Я знаю, что Воскресенский Дмитрий Николаевич давал на занятиях из него переводить, а это кое-что да значит! Потому что он очень строг к другим переводчикам, и я должен с гордостью сказать, что переведено там очень даже и неплохо. Главное – правильно. А ведь это не так часто бывает. Но как много времени было потрачено на это дело – передать невозможно. Были также и произведения современной китайской литературы. Но это так, проходное. Что ещё? Это, пожалуй, всё, пока больше не могу припомнить ничего прочего, но и уже, в общем, немало. Если собрать всё, наберётся томов на десять. Думаю, никто так много не перевёл. Гордиться нечем особенно, в конечном счете. Тем не менее, переведено довольно много. И намерен продолжать. Вот, сейчас будет выходить очень интересная стратегическая книга «100 глав военного канона». Довольно поздняя книга 17 в., где автор (его зовут Цзе Сюань) даёт принципы военно-стратегической мысли в Китае по категориям. Это очень интересная вещь, редкий случай, когда берётся понятие и объясняется таким образом. Но книга уже пять лет валяется в разных издательствах, издательство «Европа» хочет её издать, обещает вот-вот. Там всего-то 150 страниц!

МО: А что ещё Вы хотели бы перевести?

ВМ: Я хочу заново перевести кое-что из Чжуан-цзы, сделать новый перевод, потому что это слишком глубокая тема и много нового было открыто по поводу его текстов. Также я подготовил новый перевод военного канона **Суньцзы и Суньбина**, потому что вышли новые исследования и понадобилось обновить [перевод]. Не потому что я что-то неправильно там сделал, а просто для того, чтобы это соответствовало современному состоянию науки. Но, опять-таки, уже второй год это не

издаётся. Некогда. Я не могу сидеть здесь и издавать, а в Москве особо не чешутся. Хотя это всё коммерчески оправдано, но сейчас уже и деньгами никого не завлечёшь.

МО: Участвуете ли Вы в коллективных исследовательских проектах?

ВМ: Сейчас не принимаю, но принимал. Для меня было крайне полезным, когда я работал вместе с Михаилом Васильевичем Крюковым и Михаилом Викторовичем Софроновым над нашей «Историей китайского этноса». При моём участии вышло четыре тома от раннего средневековья до нового времени. Я был тогда 30-летним молодым человеком. Михаил Васильевич попросил меня участвовать в этом деле и, по-моему, получилось неплохо. Вообще, эту книгу хотели переиздавать, но, конечно, так и не переиздали. А хороших учебников у нас как не было, так и нет. И вообще, курсов истории Китая нет нормальных. Не знаю, как наши студенты там сейчас учатся. Правда, знаю, что моя «Китайская цивилизация». Есть у меня такая книга на 600 страниц – вот, она идёт как учебник в большинстве ВУЗов России, мне это приятно. Но вот история... историю надо заново написать каким-то образом, создать новый образ или версию истории Китая. Но у нас силёнок уже маловато, у нас некому писать. Старички уже не имеют сил, а молодёжи не до письма, как мне кажется.

МО: И все же, какие труды российских китаеведов кажутся Вам достойными внимания?

ВМ: Ну, я просто плохо слежу. Я же не в России нахожусь, поэтому просто не мог читать эти работы. И не знаю даже, что выходило. Помнится, «Китайская каллиграфия» Белозёрова – хорошо изданная книга. Мне кажется, она очень полезна как введение в каллиграфию. Есть хорошие яркие люди, которые пишут неплохо. Между прочим, не обязательно в Москве. Вот Константин Мамаев в Екатеринбурге – прекрасно знающий каллиграфию человек, пишущий. Совершенно одинокий в том смысле, что никто не обращает особого внимания, как я понимаю, на его работу. Требуют от него, чтобы он занимался историей, допустим, Урала. Понятное дело! Зачем же, условно говоря, заниматься Китаем сидя в Екатеринбурге? Это не только в России, это общая беда, и в Европе такая же вещь, между прочим. Так что, у нас есть очень яркие люди, есть талантливые в своём роде пишущие люди. Например, Виногородский или Андрей Девятов – я лично с ним не знаком, это

псевдоним одного нашего китаиста. Это люди, пишущие талантливо, но от меня далеко отстоящие.

МО: А из зарубежных китаеведов?

ВМ: Ну, их слишком много, я не знаю... Для меня наиболее интересен был французский китаист Франсуа Жюльен, с которым я и работал в университете в Париже. Я вообще вырос на французской литературе и философии. В принципе, её предпочитаю, так получилось исторически. Его работы, к счастью, изданы в России, половина из них издана по программе французского МИДа, в частности «Трактат об эффективности», «В обход или напрямик», «Похвала пресности» и т.д. Его работы – грамотные, такая хорошая французская европейская школа, новая. Правда, и у него масса критиков во Франции, без этого не обходится. Есть хороший немецкий автор, он, правда, профессиональный философ, Гюнтер **Вольфарт**, который, входя в десятку лучших философов Германии, на старости лет увлёкся даосизмом, стал писать очень в вольном стиле книги о даосизме, переехал на юг Франции, где выращивает виноград и делает собственное вино. Очень интересный человек. У него есть академия своя, так называемая средиземноморская, или Юга Франции. Мне кажется, сейчас очень много интересного происходит за бортом официальной науки. Жизнь так повернулась в последнее время, не только в науке – всё официальное ужасно скучно, безлико, серо и вообще позорно, я бы сказал. Начиная с правительства и кончая людьми, заседающими в академических институтах. Такое у меня примерно ощущение. Ну конечно, есть у меня хороший друг **Генрих Егер**, в Трире. Блестяще знает русский язык и русскую литературу. Мы с ним в тесном контакте находимся. Он много пишет, тоже занимался Чжуан-цзы, потом Мэн-цзы. И для меня контакт с ним очень полезен, поскольку европейские синологи, особенно немецкие, они же такие въедливые, такие серьёзные – в хорошем смысле. У нас серьёзность немножко путают с торжественностью и надутостью такой, с чванством таким в русском виде. В быту же русский человек, в принципе, скорее юродивый, чем серьёзный человек. А немец может быть «серьёзным серьёзно». (смеётся). Поэтому мне общение с европейскими китаеоведами даёт много полезного. А с русскими как-то не получается, потому что моментально разговор сходит на странные какие-то темы, странные выкрутасы. Ну, это чисто русские моменты. Кто поталантливей – тот изгаляется, выкрутасничает, издаёт книжки какие-то, секреты того, сего, мистерии какие-то, тайны неразгаданные Востока.

МО: Какие темы наиболее актуальны для российского китаеведения?

ВМ: Мне кажется, самая актуальная тема – возвращение человеку его нравственного начала. Вот в китаеведении и надо этим заниматься. Каким образом человеку снова стать человеком. Или осмыслить своё новое человеческое состояние, какое бы оно ни было, ясно, что мы какие-то рубежи перешагнули...

МО: Не слишком ли это широкая тема для синологии?

ВМ: А чем ещё-то заниматься? А зачем заниматься другими вещами? Если мы не занимаемся нравственными вопросами, как гуманитарии, грош нам цена, всей этой учёности. Всё это не только будет никому не нужно, но и страшный вред принесёт. Потому что, если человек расчеловечится, и мы к этому ручку приложим свою, чем же нам гордиться-то здесь? Поэтому мы должны понять, что есть человеческого в человеке. Вот такая антропологическая тематика. И отсюда танцевать. И это имеет прямое отношение к китаеведению. Потому что китайская цивилизация учит нас видеть новые образы человечности и таким образом открывать в нас человечность, которую мы по каким-то причинам не можем сами видеть, так как задавлены, зашорены какими-то псевдонаучными концепциями или политизированной журналистикой. И это есть задача учёного – не журналиста, не политика, даже не священника, а именно учёного. Правда, есть у нас такие востоковеды, которые пишут в жанре воскресной проповеди в научных журналах – не надо этого. Надо иметь фундамент научного исследования и чётко понимать, что вы делаете. Но без понимания этой философской проблематики наша работа не имеет смысла.

МО: Стало быть, наше китаеведение что-то упускает из виду... китаеведение упускает, но Вы-то не упускаете!

ВМ: (смеётся). Ну, у меня жизнь так сложилась. Во-первых, я всё-таки знаю японский язык. С другой стороны, я последние годы увлёкся Тибетом. Езжу в Тибет, и даже собрался сейчас выпускать очерки о Тибете.

МО: У нас есть ещё учёные, занимающиеся Тибетом?

ВМ: Есть люди, занимавшиеся Тибетом. Кузнецов, например. Но это единицы, конечно. Ведь Тибет всё-таки не Китай. Согласитесь, тут не требуются полки исследователей, хотя культура-то там богатейшая, огромная, безусловно. Но просто надо быть разумным. Я просто ещё думал об этом, когда вы задали мне вопрос о положении нашего китаеведения. О том, как сейчас оно бурно развивается количественно – создаются какие-то новые центры китаеведения, открываются школы китаеведения, какие-то люди начинают где-то чего-то там преподавать. Меня смущает качество того, что происходит. Последнее время я несколько раз сталкивался с молодыми людьми, где-то в переписке, а где-то здесь, на Тайване, в личном разговоре. И я был вообще поражён, фантастическая каша какая-то в головах этих молодых русских людей. (Или я уже совсем старый стал?) И за этим стоит невежество, довольно глубокое, мрачное... как мне кажется. То есть, самые примитивные мифы, какие только есть, в головах остались. Почему? Боюсь, что это влияние вот этой нашей журналистики, медиа, которые всё упрощают и дают стереотипы. Ведь сейчас современные люди мыслят образами, так же это и в Китае. Все мы знаем, что есть китайская цивилизация. Зайдите в китайский книжный магазин, и вы увидите не десять, а десятки, если не сто книг о китайской цивилизации, которые апеллируют прежде всего к зрительному восприятию. Набор образов там, неважно, каких – бегущая лошадь знаменитая ханьского времени, рисунки на кирпичках того же времени, какие-то классические пейзажи, дальше идут китайские мебели, и пошло-поехало. Короче, цивилизация превращается в набор стереотипных образов, и все мы знаем – что? Китай? – да знаем мы, что там в этом Китае! Как у нас в России – матрёшка, балалайка, водка, самовар. А Китай – Великая Китайская стена, мацзян, вонючий доуфу и каллиграфия какая-нибудь сбоку-припёку. И это такая корка непробиваемая, убивающая мысль! Потому что дальше уже выбить какую-то оригинальную мысль, и вообще, критически посмотреть на это человек неспособен. А ведь он начинает дальше переходить к суждениям о Китае, выстраивать свои, как нынче принято говорить, стратегии отношений с Китаем, всё это представляет, как мне кажется, проблему.

МО: Что привело Вас в Тибет, каков был Ваш тибетский путь?

ВМ: Я начну со следующего: где у нас слабые, узкие места в китаеведении? В отношениях Китая с сопредельными странами, например. По той простой причине, что у нас в основном региональная подготовка. Японисты занимаются Японией, китаисты – Китаем, вьетнамисты –

Вьетнамом, кампучийцы – своим, и так далее. А жизнь-то она другая, мы наблюдаем симбиозы этих цивилизаций, их интенсивнейшее взаимодействие по разным направлениям. Например, мои представления о Китае сформировались точно на фоне сопоставления с Японией. И это даже можно легко проследить, это очень полезно видеть. Но и китаистам, и японистам это трудно понять. А японцам – тем более, потому что каждый народ, включая и нас, имеет весьма превратное представление о самих себе, в силу разных обстоятельств. И задача учёного – как раз открывать новые грани. И не то чтобы разоблачать, а критически оценивать стереотипы, которые сами себе наработывают люди. Эти стереотипы опасны тем, что люди принимают их за истину. А научная истина не может быть стереотипна. Я вспоминаю разговор с одним коллегой, когда я ему сказал – всё очень хорошо написано, но как-то уж банально. «Ну, иногда и надо банально написать», – говорит он мне. На что я ему отвечаю: Мысль настоящая не может быть банальна, если это мысль. Но если она – подражание мысли, то это, безусловно, банально. Как у Аристотеля. Есть действие по добродетели, а есть действие в соответствии с добродетелью. Казалось бы, со стороны и разницы никакой нет. Кстати, Герман фон Кайзерлинг обсуждает отношение китайцев, и мы так думаем – китайцы, они действительно такие вежливые, или притворяются – допустим, да? Это же такой интересный вопрос для русского человека.

Что касается Тибета – в Тибет я попал в первый раз, как и на Тайвань, совершенно случайно. Я даже не думал об этом. В 2005 мне предложили поехать в Тибет в качестве консультанта одной группы друзей. Я поехал, потому что мне было интересно, разумеется. Ведь в Тибете-то я не был. Но просто так не езжу, вы знаете...

МО: Туда просто так и не попасть!

ВМ: Попасть туда можно довольно просто, если вы не засветились в каких-то там антикитайских мероприятиях. Я не принимаю участия в политике и в коллективных трудах, как я уже заметил. Поэтому я поделником проходить не могу. Вы получаете разрешение, допуск в Тибет – это да, это требуется. Но просто так я не езжу. Поэтому я занялся тибетским языком, у меня появился учитель тибетского языка, очень, кстати, учёный человек. Здесь, на Тайване, много тибетцев, есть ламы. Я стал очень интенсивно учиться тому-сему, решил на старости лет освоить тибетский язык. И вообще, хотел даже стать тибетологом, размахнулся

вширь... объясняю почему. Я уже перерос китаеведение. Мне уже в Китае скучновато, я всё знаю в Китае. Я знаю в принципе, как он устроен внутренне. Это не значит, что мне неинтересно. Потому что задача или секрет того, как делать жизнь интересной и содержательной состоит в том, чтобы выдумать себе недостижимую цель. Поставить, точнее – выдумывать её не надо. Почувствовать, что есть что-то недостижимое в жизни, как царство небесное для христианина. И живите с серьёзным намерением попасть в царствие небесное. Это сделает вашу жизнь чрезвычайно осмысленной, уверяю вас. Вот так же с тибетским языком. Я попал туда, познакомился... наш проводник был очень милый симпатичный тибетец. Очень мы с ним подружились, и так получилось, что я тут же стал специалистом по Тибету. У нас ведь становятся специалистами по Китаю те, кто в Пекине прожил в посольском городке два месяца, выходя только в магазины. Вот и я стал специалистом по Тибету. Тем более что я мог лихо завернуть какие-то фразы тибетские. Правда, тибетцы, хотя и понимали, что я говорю по-тибетски, но не реагировали, не велись на мой тибетский язык, потому что они были так ошарашены – редкий приезжий иностранец говорит что-то по-тибетски! Поэтому у них просто челюсть отвисала, и они вообще ничего не отвечали. Народ простой ещё, не вполне отшлифованный глобалистикой нашей. И вот, я стал заниматься, поехал в Центральный, Западный Тибет, потом в Восточный Тибет, открыл там для себя священную гору Мордо, о которой я немножко написал. Эта гора чрезвычайно интересная. Например, на этой горе, на высоте 4000 м, живёт семейство бонских адептов. Раньше они вообще жили там круглый год, восстановили свое святилище. Там у них есть совершенно гениальные, никем не изданные, нечитанные рукописи! Представляете, какая красотища? И такого добра в Тибете довольно много! Есть полное описание этой горы. Вот, я сейчас опять поеду туда в последний раз – проведать моих бонских друзей. Я, конечно, запал на бон, потому что это такая таинственная религия, и она связана с даосизмом. Почему я занялся Тибетом? – я получил возможность заново сравнивать и оценивать китайские вещи многие. Потому что китайско-тибетские отношения – во многих отношениях очень важная страница истории всей Восточной Азии. Даже на поверхности это видно – ламаизм, который был и в Китае. И Далай-лама был, простите, духовным лидером и Китая в цинское время, не надо об этом забывать. И Тибет по многим параметрам – совершенно уникальная страна. Но самое главное – контакты с даосизмом и буддизмом китайским чрезвычайно интересны. И совсем недавно мой учитель тайцзицюань, человек чрезвычайно глубоко понимающий дело, просто дал мне задание.

Оказывается, он считает, что даосизм во многом пришёл из тибетского ламаизма. Есть очень много параллелей – я это знал и раньше, и надо это дело изучать, но некому изучать. Потому что немногие тибетологи занимаются этим, а китаистам Тибет ни к чему.

Ну и наконец, сама загадка Тибета, «душа» Тибета... это такая уникальная страна. У меня об этом написано. И те, кто хочет почитать, могут заглянуть в архив сетевого «Русского журнала». Там есть статьи о Тибете, в частности, эссе «Тибетов узел», или «Власть Мордо» – лирические заметки об этой горе. Это уникальное совершенно место, такой красивой местности, такой красивой страны как Восточный Тибет я просто, ей-богу, не видел! Не говоря уже о том, что Тибет – вообще центр Восточной Азии, и он может выступить – в идеале именно он должен быть центром, связывающим Россию, Китай и Индию. Он должен быть не яблоком раздора, а узлом, связывающим Восточную Азию, насколько это возможно.

МО: А возможно ли?

ВМ: Конечно, это пока из области фантастики, но это совершенно возможно. Всё зависит исключительно от образа мыслей наших. Мы должны понять, что это можно, возможно, и тогда это будет реально. Как говорят китайцы, 心想事成 *синьсян шичэн* «сердце подумало, дело сделалось». Так же говорил Лев Толстой. Между прочим, недавно обнаружил у него эту фразу: «Если что-то подумалось в сердце, так оно и будет в мире». Беда в том, что, как говорил Иисус Христос, веры-то в нас маловато. Мы не очень верим в то, что это возможно и предпочитаем вообще не думать. Это всё-таки накладно, думать.

МО: Почему же Вы «чуть было» не стали тибетологом?

ВМ: К сожалению, у меня нет времени для тибетских занятий и нет стимула для занятий тибетским языком, потому что в Тибете больше говорят на китайском языке. Более того, я обнаружил, что большинство тибетцев, особенно на Востоке, и читать-то не могут по-тибетски. У них не было в школе тибетского языка. Вот сейчас китайцы начали немножко вводить, но фактически письменный язык утрачен. Даже мои друзья, они в монастыре долго жили, я им показываю трактат – они не понимают. А ведь это трагедия, потому что язык теряется, уходит. А ведь какой огромный опыт накоплен тибетской духовной культурой в плане

духовного совершенствования! Вы даже представить себе не можете, насколько это реально и насколько это богато в Тибете. Правда, любой европеец ткнёт пальцем и скажет – а вот нищета, бедность. Да, это такая конфигурация цивилизации – духовная элита и масса бесправного народа. Это даёт нестабильность цивилизации. Но так же было отчасти и в России, Россия тоже погорела на этом деле. Слишком был большой разрыв между народом и элитой, а православие как-то не способствовало скреплению.

МО: Вы планируете продолжать заниматься тибетской темой?

ВМ: Я поеду в этом году опять, я поеду в другое место, где пока не бывал. Я хочу всё объездить в Тибете, и договорился уже о занятиях там для себя.

МО: Каких занятиях?

ВМ: Занятиях в одной школе ламаистской. Мне просто нужно выяснить одну черту их практики, потому что она очень близка тем моментам даосской практики, которыми мы занимаемся. Всё это я в двух словах не могу [сказать], да и не нужно это всё говорить в двух словах. В общем, у меня есть конкретные вещи, которые я хочу изучить. И тогда мне придётся, видимо, пренебречь даже бон. Но я поеду и на Мордо. Я поеду в центральный [Тибет] – Лхаса – и в восточный Тибет – на Мордо я обязательно должен подняться. В прошлый раз я не смог именно туда подняться, и хотя бы полностью обойти, наконец, эту гору. Получить полные сведения о ней, потому что мне хотелось написать исследование об этой горе с учётом тех манускриптов, которые были найдены в пещерах и написаны по-тибетски неизвестными подвижниками, сидевшими там, на этой горе. Они описали духовный образ этой горы. То есть, имеется гора физическая – топография, выступы, ущелья, скалы. А есть духовная. И там, где озеро, на самом деле что-то совсем другое, например, небесный дворец. Они видят духовные реалии за физическими. Интересная жизнь в Тибете! Стоит скала, а это не скала, а божество определённое. На Мордо они так и живут. Ночью проводник меня будит, холодища там по ночам, 4000 метров всё-таки. Тянет меня – смотри! – показывает фонариком. Оказывается, обступающие скалы по ночам преобразуются в образы божеств. Вот они видны по ночам. Это чисто бонская вещь, потому что произведение дневных и ночных ритуалов в бон – очень важно. Вот, такая настоящая Азия, представьте себе! Это есть и в буддизме – «живые будды» – потенциальные будды, которые могут открываться везде, если взглядеться в очертания ландшафта, везде они есть.

Ну и в бон, разумеется. Это такой чистый Восток, язычество.

МО: Сколько раз Вы уже были в Тибете?

ВМ: С 2005 я езжу туда каждый год, за исключением 2008, когда была Олимпиада и не пускали в Тибет. Каждый год я езжу и собираюсь ездить. Не буду от этого отказываться, это очень расширяет горизонт. Мой друг, о котором я уже упоминал, немец Генрих Егер тоже мне как-то пожаловался, что всё-таки чистое китаеведение – очень сухая наука, очень замкнутая, какой-то гербарий из засушенных цветов. Есть этот момент, если ограничиться академической, филологической частью этой науки. Это интересно по-своему, но это как школа фигурного катания, она ограничена сама по себе. Есть какие-то обязательные фигуры – двойной аксель и тройной тулуп, которые обязательно надо исполнять, и в какой-то момент это начинает надоедать. Это всё глубоко и прекрасно, но хочется и свежего воздуха.

МО: Насколько далеко тибетоведение отстоит от китаеведения?

ВМ: Это, конечно, разные вещи, потому что Тибет больше тяготеет к Индии с точки зрения литературной традиции. Но есть тибето-бирманско-китайская группа языков, и есть очень много общего. Ведь даосизм возник из бон и тибетского буддизма одновременно. Он же пришёл из Сычуани, с границы, где были китайцы и тибетцы, где они жили вместе. И вообще, отношения между тибетской и китайской цивилизациями – совершенно особая вещь. Тех, кто интересуется этим, прошу почитать «Тибетов узел» – там я пытаюсь как-то объясниться с читателем, как Тибет и Китай ладили между собой, две такие по-своему оригинальных цивилизации на протяжении тысячелетий.

МО: И снова мы возвращаемся к китаеведению. Каковы особенности, специфика российского китаеведения?

ВМ: Очевидно совершенно, что на состояние науки всегда влияет, во-первых, политическое положение, атмосфера в стране, а во-вторых, особенности национального менталитета, национальный характер страны. В каждой стране это совершенно очевидно, и отсюда некоторые особенности, о которых я сейчас расскажу. Какие именно? Посмотрите на французское китаеведение. Мне совершенно очевидно, что французы, при всей их близости к немцам, должны обязательно продемонстрировать

некоторые свои проблемы, вопросы, обороты речи. Совершенно очевидно, что всё это имеет французский колер, так сказать, французскую окраску и вкус. У немцев своё, у японцев китаеведение полностью японизировано. И если бы мы переводили это на русский язык, нам показалось бы это чрезвычайно скучным. Но они так понимают науку, по-своему. Ведь наука всегда, будучи социальной силой, удостоверяет и утверждает, укрепляет основополагающие общественные ценности. Даже помимо воли самих учёных. В Америке тоже своё, свои школы. С одной стороны, это создаёт, конечно, некоторое соцветие. И интересно сопоставлять подходы учёных к одним и тем же вопросам. Они всегда разные, безусловно. С другой стороны, поскольку тематика всё-таки одна – китаеведение – это, как ни странно, мешает, снижает взаимный интерес, мне кажется. Русскому не так интересно быть среди японцев или американцев в этом отношении, потому что ему интереснее скорее русский поворот темы. Ему это просто ближе, а какие-то абстрактные исследования или абстрактные образы, формулировки, которые он может там применить к Китаю, ему не так интересны, не так понятны. Вот почему, как ни странно, национальные школы слабо влияют друг на друга. Если бы я был на Западе, я был бы интересен не как китаист, а скорее как русист, русский человек. Так было, по крайней мере, в Париже. Как китаист я был им малоинтересен. Я был интересен как эрудированный человек, мои темы и суждения были им любопытны, потому что они были непохожи на их. Но интересен был я скорее как русский, а совсем не как китаист. Когда я приходил с русскими друзьями в какой-нибудь французский салон, всё-таки меня представляли как русского – сейчас он вам всё про Россию расскажет. А мои мнения о Китае мало интересовали. Они были любопытны, принимались к сведению, но никто не ждал от меня каких-то откровений, потому что это «забито», «застолблено» для зубров местного китаеведения, которые должны именно по-французски выразить сумму знаний о Китае. Так же в Америке. Хотя американцы более бесцветны, бесстильны, как известно, у них есть своя школа с определённым набором правил, которые русские очень редко выполняют. Например, у них работа на докторскую степень пишется по жёстко установленным правилам, и любой американский преподаватель профессионально довольно подкован. Он грамотно пишет, он не позволяет себе выкрутасов каких-нибудь. Он обязательно выполняет минимум требований, применяемых к академическому исследованию. А в России это необязательно. В России мы очень зависим от всплеска вдохновения, эмоций, позволяем себе всякие выкрутасы, например, сказануть несерьёзно что-то. Но зато, как говорят итальянцы –

Se non è vero, è ben trovato – «пусть сказано неверно, но зато как красиво сказано»! Вот в этом отношении мы очень похожи на итальянцев. Нам это свойственно. Опять же, этому легко можно найти какие-то политические объяснения, чтобы вас заметили и так далее. Отсюда существует, мне кажется, большое различие между академической наукой, довольно бесцветной, и людьми, противопоставляющими себя академической науке, даже если они находятся внутри Академии, стилистикой, проблематикой своих исследований противопоставляющих себя академическому мэйнстриму. Для России это вообще характерно. Академическая философия – но главные русские философы совсем не академические философы. Это Чаадаев – гусарский офицер, Хомяков – тоже отставной офицер. И Владимир Соловьёв, которого выперли в молодом возрасте из университета и который, конечно, уж никак не тянет на академического философа, притом, что он как бы отец российской философии.

МО: Это мы говорим в целом об академической науке...

ВМ: В целом. Но и в китаеведении это тоже есть. Я вот ношу в себе и то, и другое. Я одновременно стараюсь защищать академический мундир, но, как писал Есенин: «Я одну мечту, скрывая, нежу, что я сердцем чист», дальше цитировать не буду. Но вот во мне сидит это, иногда хочется взбрыкнуться. Но, правда, я отвожу душу в сетевых журналах... но во мне это тоже есть, и это очень русское. Очень трудно русского человека ввести в рамки.

МО: Может быть, есть какие-то особые темы, которыми занималось российское китаеведение, а западное – нет...

ВМ: Есть, конечно. Кстати, российское китаеведение имеет большой авторитет на Западе, в Европе. Ведь мы близки к Китаю. Мы получали многие сведения и информацию о Китае, вплоть до середины 20 в. Мы были лучше осведомлены о Китае, чем Европа. Это правда. Русские были близки китайцам, мы соседи китайцев, мы имели прямое, живое знание о китайцах. Мы жили среди китайцев, а они среди нас. Этого не было в Европе. Это во-первых. А во-вторых, русский человек может ладить с китайцем, относится с вниманием к китайцам и может с ними общаться напрямую, чего, например, не делает европеец, для которого китаец, как и любой другой абориген, неважно какой, – это есть предмет академического изучения на расстоянии. Вроде насекомого. Всё хорошо, но, извините, ничего личного, только бизнес или академическая наука.

Поэтому наше восприятие Китая отличается от западного, и здесь мы можем какие-то вещи сказать. Не говоря уже о том, что стихийно мы во многом азиаты. Я указываю на черты нашей политической жизни или военной стратегии. Сначала проиграть войну, а потом её выиграть – это чисто китайский подход. Здесь много всего есть любопытного, чего нет в Европе. Вот это есть в нас, и оно развивается, преломляется в разных видах, и это не надо беречь. Оно есть, и мы, думаю, не можем это потерять. Любой талантливый русский китаист обязательно несёт в себе эти качества. И ведь русские, действительно, повалили сейчас толпой в Китай. Ведь кто такие молодые китаеведы так называемые? Это люди, которые прожили уже лет 5-10 в Китае, самочинно научились худо-бедно калякать по-китайски. И теперь некоторые из них имеют интерес к китаеведению. Я знаю таких молодых людей в Москве, в Институте востоковедения РАН. А другие идут в какие-то околонучные структуры. Геомантия какая-нибудь, фэншуй, даосские прогностики – экзотичные вещи, на которых можно заработать. Это, конечно, не академическая наука, но это появилось. Реально есть люди, которые хотят быть специалистами в этой области. Это чисто русская черта.

МО: Но ведь это же не китаеведение.

ВМ: Это не китаеведение. Но, тем не менее, оно оказывает давление, а для общества – они китаеведы. Это они маячат на экранах телевизоров время от времени. Когда они идут к богатым людям, писателям, деятелям культуры, те их воспринимают как знатоков Китая. Не академических работников [слушают], а именно их. Потому что они интереснее.

МО: А что Вы можете сказать по поводу отличий российского китаеведения от японского?

ВМ: Японское китаеведение, как всё в Японии, очень отлажено, идёт по выверенным правилам, лекалам, всё препарировано, артикулировано – и ничего понять нельзя. Что ты, товарищ дорогой, открыл, написав вот эту статью? – непонятно. Тем более что сам вежливый японский научный язык, он имеет массу вежливых фраз...

МО: «Обходительный» от слова «обходить»...

ВМ: И «предупредительный» от слова «предупреждать». Вывод теряется в формулах вежливости. И не поймёшь, «за» он или «против», «да» или

«нет». Это особенность японского языка, потому что в японском языке глагол стоит в конце, при этом он обрастает формулами вежливости всевозможными, оговорками, и такими, из которых ничего выудить невозможно – что хотел сказать? Но ведь японцы этим гордятся, и они это сознательно культивируют, потому что это тоже культурная коммуникация. Не говорить ни «да», ни «нет» – прекрасный способ общения, потому что он снимает массу вопросов, типа «ты меня уважаешь?» – что занимает русский ум в основном. Японцы отношения не выясняют принципиально, потому что предполагается, что и так всё ясно. Хотя не понятно, что именно. Но я должен ещё вот что добавить: старшее поколение японцев занимается только академическими вещами, только древним Китаем. Китаисты-японцы старшего поколения вообще не говорят по-китайски. Потому что к чему заниматься этим наречием, «обезьяньим языком», когда есть прекрасные вдохновенные письмена древности, дошедшие до нас. Японцы их хранят благоговейно и изучают. А китайцы, пусть себе калякают как хотят, нас это не интересует. Вплоть до последнего времени. Даже и сейчас японцы мало говорят по-китайски. Но, действительно, в Китае масса диалектов. Хотя сейчас, слава Богу, есть нормативный язык. Но, всё равно, на том же Тайване есть «тайваньский» язык, южнофуцзяньский диалект. Ну, и что, [думает японец], к чему нам изучать все эти диалекты, что они нам скажут на этих диалектах такого, что ещё не было сказано Конфуцием и Лао-цзы? Вот, есть такой момент, снобистский.

МО: А молодое поколение?

ВМ: Молодые, конечно, демократизировались, но всё это осталось в основе своей.

МО: Какой проблематикой занимается в основном японское китаеведение?

ВМ: Они занимаются всеми проблемами. Но особый акцент у них на этнографическое изучение. Ведь японцы очень дотошные. Делают то, чего другие не сделали – описали, например, Тайвань. Описали «до дыр» всех аборигенов Тайваня, переписали со своими социологическими опросниками. Тем же они занимались в Китае. Когда они оккупировали Китай, они взяли и издали восемь томов описания одного уезда. Туда вошло всё, до последней мелочи. Так же они обращались и с русскими. В.М. Головин написал лучшую книгу о Японии про два года в плену у японцев («Записки флота капитана Головина о приключениях его в плену

у японцев» - М.О.). Когда их взяли в плен в 1812 г., и он сидел там 2 года. Каждый день весь день они давали отчёт, что такое Россия. Кто правит Россией? – Царь. – Нарисуй царя. У царя есть жена? – Есть. – Нарисуй жену. Расскажи, кто это, что он носит. – Всё это аккуратно записывалось, протоколировалось, складывалось в папки. Вот это японские дела. И до сих пор полезные материалы о Китае – в Нагасаки, когда они допрашивали китайских купцов. Огромные совершенно собрания материалов – всё китайцы должны были им выложить. И японцы всё аккуратно переписывали и раскладывали по полочкам, и это их наука. Почему именно этнография – не знаю. Тут можно по-разному интерпретировать. Шёлковый путь они уважают, потому что им доходили по Шёлковому пути какие-то стеклянные изделия, какие-то тапочки и так далее из Центральной Азии. У французов тоже есть интерес к этнографии, и он тоже завязан на внутреннем таком высокомерии. Потому что японцы хранят древность, а французы хранят либо абсолютный разум, либо латинскую традицию, поэтому они выше всех остальных европейских народов. Остальные для них – это предмет этнографического изучения, прежде всего.

А российская душевность на этом фоне смотрится очень хорошо. Мы тоже по этнографической части сильны. Тем более что в 19 в. русские люди вывозили огромное количество материалов и артефактов из Китая. У нас самые большие коллекции китайских вещей, потому что в Кунсткамеру свозились по заданию огромные коллекции. Они очень ценные и никем ещё не разобранные. Это есть, но это идёт не от высокомерия, а от личного живого интереса. Русский человек любопытен, ему охота посмотреть, как там, на Востоке живут. Любопытство и всеотзывчивость, по Достоевскому. Охота узнать весь мир, так как у нас всемирное призвание, мы нация с миссией и должны спасти человечество. Вот это даёт нам интерес к Китаю. Но, к сожалению, академически это всё весьма и весьма хромает. И я не вижу большой отдачи от этих молодых энтузиастов китаеведения, которые хотят самочинно [что-то делать]. Вот я знал одного молодого человека в Шанхае, он всё хотел переводить китайские афоризмы в моём стиле, так сказать. Но так из этого ничего и не вышло. Уже лет 5-6 он всё собирается, подходит к этому делу. Сам он не китаист, просто приехал туда работать. Но интересуется китайской литературой. Вот, на таком уровне это всё происходит. Не знаю, как сейчас всё происходит в Москве, но и, сидя в Москве, вы многого не сделаете. Вы должны ехать в Китай, и эта практика, коммерция, соблазны очень губительны для академической науки. В наше время такого не было

– мы поневоле должны были заниматься академической наукой. А другими вещами мы не могли заниматься, и слава Богу.

МО: В конце нашего продолжительного разговора хочу попросить Вас дать оценку миссии и перспективам российского китаеведения с учётом нынешнего его состояния и с учётом смены поколений.

ВМ: Вопрос составлен довольно грамотно, а вот дать грамотный ответ на него гораздо труднее. Исходя из того, о чём мы с вами уже говорили, я бы сказал, что русскому китаеведению необходимо развивать свои лучшие национальные черты и достоинства.

МО: Какие это черты?

ВМ: Прежде всего, Россия – страна евразийская, она находится между Европой и Азией. Поэтому она, вольно и невольно, способна понять и Восток, и Запад. Мы смотрим напрямую и на Запад, и на Восток, и понимаем в них больше, чем они в нас. Это наше первое большое преимущество. Кроме того, Россия – великий сосед Китая, и у нас с Китаем самые непосредственные контакты. Мы с Китаем общаемся напрямую и очень тесно. Это наше второе преимущество как китаеведческой державы. Мы должны просто для себя по возможности как можно лучше и глубже уяснить – что дают нам эти преимущества, каким образом их надо использовать, как их надо развивать. Чтобы это сделать, мы должны поддерживать и развивать, делать более плотными и разнообразными контакты с китайцами на всех уровнях, не только академическом, но и жизненном. Да и вообще, разные интересные люди в Китае есть, не только учёные. В любом случае, мы должны лучше изучать Китай с разных сторон. Сейчас это происходит, и это должно дать свои плоды, потому что молодые русские люди «пачками» выезжают в Китай, остаются там, живут, существуют целые русские колонии. Я сам имел удовольствие их созерцать – в Шанхае, например, в Гуанчжоу, в других местах, даже и в Пекине. Просто русские люди живут и работают в Китае. Есть даже такое издание ChinaPRO (деловой журнал о Китае - М.О.), с телевидением даже, который базируется в Гуанчжоу, а делается русскими для русских. Там работают молодые люди. Не знаю, есть ли у них китаеведческое образование, но они живут в Китае, и ясно, что они должны общаться с китайцами. В общем, происходит такое накапливание сил и опыта, которое может дать в будущем интересные плоды, если люди

поймут, что наука - это тоже дело стоящее, и человек не может всю жизнь гоняться за деньгами, а должен и что-то постараться понять в своей жизни – кто он, что он и зачем он.

Отмирают старые формы, Академия, в частности, которая была создана под советскую систему, в советском виде, и [поэтому] мало жизнеспособна. Академия должна быть. Но Академия должна быть, как она есть в Японии, в Америке, где это не есть какое-то министерство науки, работающее по планам, а это есть синклит уважаемых, действительно уважаемых людей, учёных, имеющих большое имя в науке, как во Франции это происходит. Она не должна быть большой, но это должна быть элита, которая задаёт тон и правила игры академические. Без этого нельзя. К сожалению, и Академия, и, в значительной степени, университеты, в силу атаки коммерческого уклада жизни, во многом потеряли эту свою особенность. Также и по бюрократической причине: многие работники Академии, начиная с президиума, не являются учёными просто-напросто. Но это общая беда, потому что у нас и бюрократы не являются бюрократами. У нас непонятно, почему человек занимает должность, у нас нет разумно устроенного отбора кадров, что есть, кстати, в Китае. Какие-то академии ещё подрасплодилось непонятного свойства, куда принимают в почётные академики каких-то странных людей, дающих деньги, и т.д. Всё это имеет мало отношения к науке, они и не порождают ничего научного. Всё это сорняки. Но я думаю, что рано или поздно это положение должно нормализоваться, хотя бы потому, что будет увеличиваться давление людей, живущих в Китае и что-то делающих там. Всё-таки потребность в экспертах и талантливых людях всегда остаётся, даже в России, где она сведена до минимума в силу многих причин, и где талантливому человеку труднее пробиться, чем в других странах. Вот что мне видится – сочетание подобного рода факторов. Но для этого мы должны более активно «контактировать» и с Западом. Этого не происходит, и это меня очень смущает – у нас угасли контакты, регулярных контактов нет. И всё это возвращается чуть ли не на уровень советского времени, когда выезжало 2-3 официальных представителя, читавших Бог знает какие доклады вообще ни о чём. Они были полным посмешищем – я сам имел неудовольствие это видеть – в глазах европейских учёных. И сейчас это происходит. У нас были даже конфликты с Европейской Ассоциацией китаеведов, потому что выписывают учёных, а потом нам предъявляют счёт – приехал учёный заниматься научной работой, а за неделю жизни в Лондоне ни разу не был в библиотеке. И что же он делал в этом Лондоне? Наши обижаются – а

вам какое дело, чего я делал в Лондоне. Конечно, на таких условиях нам трудно сотрудничать с Европой. По-моему, это сотрудничество свёрнуто окончательно. Это реальные факты. Наши учёные рассматривают выезд в капстрану, в Лондон, Париж – зачем в библиотеку ходить, когда я по Парижу хочу погулять? Я полностью согласен, я сам бы с удовольствием по Парижу погулял. Но мне для этого не надо просить грант. Сейчас, слава Богу, возможно выезжать и без европейских подачек.

Поэтому у нас не налаживается сцепления, какого-то эффективного сотрудничества. Хотя у меня с Генрихом есть, например, и с Гюнтером Вольфартом мы отлично друг друга понимаем. С французами – меньше, потому что они принципиально понимать никого не желают, так как, по их представлениям, «понимать там нечего». С американцами они даже не хотят говорить по-английски. Но с немцами, со шведами, англичанами, американцами, да и с французами, я всё же утрирую – надо это делать. Мы не совсем понимаем, я хочу привести пример: мы думаем – вот, у нас интеграция с Европой, не сегодня-завтра – не разлей вода. А представьте себе 1904 год. Кто написал слова знаменитой песни о «Варяге»? «Врагу не сдаётся наш гордый "Варяг", пощады никто не желает»? Слова к этой песне написал немец, за нескольких дней. Он так проникся подвигом «Варяга» из немецких газет, что по-немецки написал стихи. Эти стихи были моментально переведены на русский язык и положены на музыку этой знаменитой песни. Вот это вам глобализм! А это был 1904 год, была Империя Германская и была Империя Российская, которые не шибко дружили между собой. И при этом такие случаи были в порядке вещей, я могу привести много примеров. Сейчас это [разве] возможно, интересно? При всей технике, информации – сейчас это стало менее возможно. Что нам переводить немцев, мы сами справимся, чтобы воспеть подвиг какого-нибудь корабля! А тогда никому не казалось унижением российского достоинства то, что немец написал, а мы перевели. Наоборот, такая кооперация европейская. Так жили – русские борцы выезжали в Гамбург и выясняли «по гамбургскому счёту», кто из них сильнейший. Потому что, когда ты выступаешь в цирке, тут уже вопросы коммерции выступают на первый план. Они специально ездили в Гамбург и проводили там честные состязания – вне публики, и это было нормально. А сейчас мы как-то не движемся вперёд. Наоборот, меня раздражает какое-то пренебрежительное, высокомерное отношение к Европе. Притом что я не говорю, что надо на коленях ползать перед Европой – не надо! Но плевать при упоминании европейской демократии или Евросоюза, по-моему, и глупо, и провинциально, и просто непродуктивно. Это выдаёт

такие ужасные провинциальные комплексы в нас! Этого, кстати, нет в Китае. Правда, китайцы и не «ведутся» на западные штучки, их этим не проймёшь, у них своё. Они просто не могут принять в себя европейский яд, европейские яды на них не действуют, у них иммунитет. А на русского человека – действуют, и отсюда наши метания: то мы боготворим Европу, то мы плюёмся и отрекаться от неё, как чёрт от ладана бежит. Нам надо иметь своё достоинство, спокойствие. Но это трудно сделать, потому что русский человек очень широк, он очень неуравновешен и бросается из крайности в крайность. Но в китаеведении мы это должны выдерживать, это наше преимущество. Мы должны быть над схваткой Востока и Запада, мы – Россия, мы не Восток и мы не Запад. Мы – и то, и другое, и одновременно что-то третье. Мы должны держать свою позицию центральную, но при этом быть воспитанными, образованными людьми. Это было раньше в России, до революции. В советские времена это, к сожалению, было утеряно, так как эрудированность и академизм понемногу оказались растворёнными в советском бюрократизме. Отсюда многие наши проблемы, и сделать уже ничего нельзя. Что можно сделать? Создавать новые академии? А кто это будет делать, из кого они будут состоять? Из мастеров фэншуй? Так что, мы находимся, отчасти, в большом кризисе, но всё ещё хорошо. И нельзя забывать, что где опасность, там и спасение. Кризис даёт нам возможность выйти на новые рубежи, обрести новую жизнь.

МО: Какие качества, по-Вашему, необходимы для того, чтобы стать профессиональным китаеведом?

ВМ: Да, это очень трудный вопрос... Конечно, прежде всего, нужно знать и любить своё дело. Любовь это есть талант. Талант есть трудолюбие. Нужно быть упорным и идти к своей цели – надо учиться у японцев в этом плане. Я знал, что я хотел. Надо понимать, что вы являетесь хозяином своей судьбы. И хотя в России это трудно осуществить, но сейчас это возможно. Иногда меня спрашивают – куда ехать, у кого учиться? Мне пишут письма из России, и я отвечаю – вы живёте в 21 в. Вы хотите заниматься Китаем – вы можете ехать в Китай и учиться там. Здесь нет никаких особенностей или больших трудностей. Выбирайте профессора. Хотите – меня, приезжайте на Тайвань, не такие это большие деньги. Учиться на Тайване дешевле, чем в России. Хотите учиться – учитесь. И надо быть уверенным в успехе. Например, когда я поступал в университет, никто же не хотел заниматься Китаем. Это было самое проклятое место в университете – китайское отделение. А сейчас оно на

первом месте стоит. Кто же мог подумать, что так оно в итоге повернётся? Но дело не в том, что оно так повернулось, а в том, что я делал то, что я хотел. И это великое счастье в жизни. И наука важна именно тем, что вы можете стать хозяином своей судьбы. Будете ли вы богаты или нет – это не от вас зависит, а от обстоятельств. А вот получите ли вы моральное удовлетворение от своей жизни – это только от вас зависит. Вы выбираете свою судьбу, и нечего сваливать на других. Может быть, я резковато выражаюсь – русский человек любит жаловаться – то не так, это не эдак. Я сейчас обращаюсь к молодёжи. У меня есть собирательный образ молодых людей, которые спрашивают меня о разных вещах, ездят со мной в Тибет, я читаю им лекции. Это нужно, это полезно, этому не учат. А учить тут нечему – надо иметь просто внутреннее упорство, больше ничего. А откуда оно идёт – от таланта и интереса. Кому-то это дано. Если вам это дано, нельзя талант зарывать в землю, обязательно нужно это сделать.

МО: Как же найти свой интерес?

ВМ: Китай может угодить любому человеку. В Китае так всего много, что чем бы вы ни интересовались, вы найдёте для себя интересное поприще. Это совершенно точно. Поэтому Китай вас не обманет, не обманет ваши ожидания. Нужно быть смелым, решительным и упорным. Больше ничего. Всё остальное придёт само. Ну и, конечно, надо думать об академическом фундаменте. Сейчас он теряется у нас в преподавании, даже на Тайване его маловато. А уж в каких-то новых, как грибы выросших новых учебных заведениях в России его и в помине нету. Это надо делать путём самообразования, поставив себе цель. Я сам только так и делал, в советское время иначе было невозможно. Сейчас книги есть, надо изучать языки, читать книги и вести записи, обязательно. У меня за жизнь накопилась кипища целая тетрадей. Я и сейчас этим занимаюсь, я никогда не читаю книгу просто так, я всегда записываю, что я почерпнул из этой книги для себя. Даже сейчас. И у меня огромное количество этих тетрадей. Вот, моя жизнь – она осталась в этих тетрадях, как путь червяка дождевого, оставляющего после себя кучки пережитого.

Вообще это счастье и большое удовольствие. Китай – это огромный великий мир, который даст каждому то, что он хочет. Можно создать целый мир из Китая, и я считаю, что это счастье – быть китаистом, просто счастье.

МО: Большое спасибо, Владимир Вячеславович!

ВМ: Спасибо, до свидания!